

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ

URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2011 – № 1

ЕВРОПА В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

EUROPE IN THE CONTEXT OF THE WORLD ECONOMIC CRISIS

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2011

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Андрей Субботин

**Актуальные проблемы
Европы №1 / 2011**

«Агентство научных изданий»

2011

УДК 331.5
ББК 66.2

Субботин А. К.

Актуальные проблемы Европы №1 / 2011 /
А. К. Субботин — «Агентство научных изданий»,
2011 — (Журнал «Актуальные проблемы Европы»)

В сборнике исследуются причины мирового экономического кризиса, в том числе роль европейских, в частности британских, финансовых и производственных структур в его возникновении. Рассматриваются влияние кризиса на экономику европейских стран, антикризисная политика Евросоюза и ведущих государств континента. Представлены прогнозы развития региона в послекризисный период. Анализируются особенности кризиса в России и его влияние на международные позиции страны. Для аналитических структур, высшей школы, государственных ведомств, бизнеса и неправительственных организаций.

УДК 331.5
ББК 66.2

© Субботин А. К., 2011
© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

От редакции	5
Европа после кризиса: Роль государства в регулировании рыночных отношений	7
Европа в тисках мирового кризиса: «Кто виноват» и «что делать»	23
Цикличность развития мировой экономики: Влияние мирового экономического кризиса на страны Евросоюза	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Субботин

Актуальные проблемы Европы №1 / 2011

От редакции

Глобальный экономический кризис, который начался три года назад как мировой финансовый и быстро приобрел статус системного, не только не перешел в стадию подъема национальных экономик, но и приобрел черты перманентной стагнации с короткими периодами роста и неожиданных провалов, как это произошло в Греции. Наиболее дальновидные эксперты считают, что кризис может иметь по крайней мере три этапа и не завершится до ликвидации противоречий, которые его вызвали. При этом речь идет не о социально-экономических противоречиях, а всего лишь о материально-финансовых диспропорциях, которые в силу конкретных и известных узкому кругу специалистов причин сложились в мировой экономике на рубеже последних двух столетий.

Европа, несущая на своих плечах бремя кризиса подобно Азии и Америке, заслуживает особого рассмотрения с точки зрения анализа породивших кризис причин, сути антикризисной политики как инструмента его преодоления и ее роли в послекризисном мироустройстве. Существует несколько причин фокусирования внимания на европейской компоненте кризиса. Во-первых, узкая группа наиболее могущественных олигархов – самых богатых людей мира, избегающих презентации в списке миллиардеров журнала «Форбс», манипулирующих мировыми финансовыми потоками, фондовым рынком и ценами на нефть, – в значительной мере имеет европейское происхождение, близкие родственные связи с ведущими предпринимателями Европы и непосредственные экономические интересы в Старом Свете. Во-вторых, именно европейские прямые и портфельные инвестиции доминируют в иностранных капиталовложениях в экономику США и в целом их уровень сохранился даже в самое тяжелое время первого периода кризиса. В-третьих, Европа, как и в течение двух предыдущих столетий, по-прежнему играет для США роль предохранительного буфера и одновременно главного инструмента глобальной финансовой игры, в которой победителем оказывается всегда заокеанский игрок – достаточно вспомнить результаты двух мировых войн. В-четвертых, не прекращаются противоречия между американскими архитекторами управления мировой экономикой и европейскими топ-менеджерами, нередко поддерживаемыми главами государств. Американцы настаивают на либерализации рынка – что и привело к кризису, европейцы выступают за его жесткий контроль, что, как показывает пример Германии, обеспечивает минимизацию потерь от кризиса. Естественно, исключение из европейских стран в этом принципиальном вопросе составляет Великобритания, имеющая особые отношения с Соединенными Штатами. Наконец, в-пятых, в отношении послекризисного мироустройства Европа решительно настроена на курс ликвидации факторов, которые в будущем могут поставить под угрозу ее собственное благополучие. США и Китай своего слова еще не сказали, но именно им предстоит решать, каким будет мир после кризиса, т. е. во втором десятилетии XXI в.

Кроме принципиальных вопросов, связанных с происхождением, протеканием и последствиями кризиса, есть много аспектов управления экономиками на национальном уровне, в которых европейский опыт представляет определенный практический интерес. В этом смысле неравномерное развитие старого и нового состава Европейского союза поставило ряд вопросов перед странами Восточной Европы. Отток квалифицированной рабочей

силы из Балтийских стран, существенно большая острота кризиса в странах, не входящих в ЕС-15, проба интеграционных возможностей ЕС по оказанию финансовой поддержки в случае с Грецией – все это в конечном итоге, во-первых, выдвигает проблему стабильности Европейского союза как примера уникальной, пока самой эффективной экономической интеграции в мире. Во-вторых, с самого начала кризиса еще в 2007 г. не могла не возникнуть проблема эффективности рыночной системы в целом. По крайней мере сегодня все хотят получить ответ на вопрос – каким должен быть рынок.

Не следует забывать также, что кризис стал сосредоточием не только финансовых, структурных и системных противоречий, накопленных мировым хозяйством и мировым сообществом, но и своего рода историческим перекрестком таких важнейших явлений и процессов, как вызревание границ глобализации, ряд социальных последствий и аспектов информационных технологий, влияющих на характер управления мировым сообществом, преддверие пика добычи нефти – явление, на которое никак не реагируют руководящие круги ведущих стран мира, но которым заняты уже сотни исследовательских организаций в США и России, наконец, на глазах растущее военно-политическое и финансово-экономическое могущество Китая, опрокидывающее существовавшие ранее условия доминирования.

Участником всех этих событий, способным в определенной мере влиять на них, является Россия, которую нельзя считать государством, не входящим в состав Европы. Постановка вопроса о кризисе применительно к России, в свою очередь, вызывает целый набор вопросов и прежде всего о связи американских долгов перед всем миром и мере интеграции России в мировую экономику. К сожалению, ответы на эти вопросы приводят не к самым лучшим оценкам эффективности государственной политики в сфере финансов и промышленного развития страны. Но у каждого государства свой подход к путям развития собственной экономики и взаимодействия с мировой экономикой, и качество такого подхода проверяется именно во время кризиса.

Предлагаемый сборник статей представляет собой попытку взглянуть на Европу в условиях мирового экономического кризиса глазами исследователей, задачей которых являются оценки явлений и процессов, характерных для мировой экономики и мирового сообщества в последние два десятилетия, а также поиск инструментов и методологии бескризисного развития.

А.К. Субботин

Европа после кризиса: Роль государства в регулировании рыночных отношений

А.К. Субботин

Аннотация. В контексте развивающегося мирового финансового кризиса анализируются различные взгляды американских и европейских финансовых аналитиков. Рынок знает лучше – эту формулу американского фондового рынка критикуют официальные лица европейских государственных структур, требующих постоянного контроля за финансовыми рынками. Описаны отраслевые потери ряда стран Европы. Оцениваются временные пределы и различные сценарии выхода из кризиса. Позиции лидеров стран Европы по проблеме регулирования рынка рассматриваются с акцентом на различные подходы Великобритании и стран континентальной Европы. Делается попытка оценить позиции Европы в период после кризиса.

Abstract. Different views of American and European financial analysts are covered within the frames of developing world financial crisis. Market knows better – the formula of US stock exchange officers is criticized by European state officials who demand permanent state control of financial markets. Losses of European countries industries are described. Time limits of the crisis as well as different scenarios of the ways out of it are assessed. Positions of European leaders on the problem of the market regulation are observed with the focus on different approaches of UK and continental states. An attempt is made to foresee positions of Europe after crisis period.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис, регулирование рынка, либерализация рынка, конкурентные преимущества, финансовые потери, границы кризиса, финансовая архитектура мира.

Keywords: world financial crisis, market regulation, liberalization of market, competitive advantages, financial losses, limits of crisis, world financial architecture.

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. мировое сообщество пребывает не только в условиях глобального финансового кризиса, но и в неведении – каковы причины кризиса, можно ли определить ответственных за появление еще 100 млн. бедных, как долго продлится кризис, каких еще потерь от него можно ожидать и, наконец, каким образом будет построен мир, и в частности его финансовая система, после того, как кризис закончится. Ни специалисты, ни политики, ни высший эшелон предпринимателей – никто не берет на себя смелость предсказывать сроки и определять механизмы его завершения. Начавшееся слабое оживление на рынках трактуется аналитиками как относящееся лишь к первому из трех предполагаемых этапов кризиса. В связи с этим предлагаемая статья ставит скромную цель рассмотрения некоторых из перечисленных вопросов применительно к Европе с глубиной проработки, соответствующей доступным источникам, которые свидетельствуют о том, что ни современные информационные технологии, ни принятые в новом столетии нормы прозрачности процедур в финансовой сфере не обеспечивают доступ к необходимой для анализа информации, если в этом не заинтересованы те, кому она может нанести ущерб.

Взгляды на либерализацию рыночных отношений в США и Европе до кризиса

По определению, либерализация означает ослабление правительственных ограничений в области социальной или экономической политики, относящихся, как правило, к отказу от регулирования. Применительно к автократическим режимам либерализации может пред-

шествовать, хотя и не всегда, демократизация [Liberalization]. На практике сторонником либерализации рынка становится страна с самой сильной экономикой, для которой другие страны с ограничениями рынка являются препятствием в реализации собственной экономической экспансии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже самые высокоразвитые страны Европы, входящие в число мировых лидеров, в диалоге с США о целесообразности регулирования рынков выглядят консерваторами. В обнаженном виде конфликт интересов был сформулирован в присутствии автора на конференции инвесторов в 2003 г. в Брюсселе следующим образом: «Рынок знает лучше нас», – так формулировал президент нью-йоркской НАСДАК. «Да, рынок знает лучше нас, – отвечал председатель совета директоров “Дойче Банка”, – но мы все равно будем регулировать рынок». Это были годы преддверия кризиса. Казалось бы, события последних трех лет не только подтвердили корректность европейского подхода, но и должны были изменить взгляды американской стороны. На деле же ничего подобно не происходит, и тем более важными становятся попытки понять основополагающие причины американской настойчивости в идеях либерализма, чему в какой-то мере может помочь рассмотрение упомянутого диалога в докризисный период.

В своем исследовании «Почему популистская демократия способствует либерализации рынка» профессор Калифорнийского университета в Беркли Полина Гросджин и профессор Парижской школы экономики и Института исследования труда Клаудиа Сенник, выбрав для статьи претенциозный заголовок, в самой работе однозначно заняты доказательством того, что демократия увеличивает поддержку рынка гражданами посредством гарантии перераспределения доходов рынка в пользу субъектов с меньшими правами. Выбранная ими так называемая «идентификационная стратегия» опирается на страны, которые были ранее интегрированы, у которых открыты границы и население которых невелико. При этом люди, живущие в этих странах, сталкиваются с тем же самым уровнем рыночного развития и экономического неравенства и с той же унаследованной политико-экономической культурой. Демократические права увеличили популярность мер по поддержке рынка. По мнению авторов, субъекты, получающие неправомерно меньшие доходы, верят своим политическим институтам [Grosjean, Senik].

Такова общая логика исследования. В пользу своей точки зрения авторы приводят результаты и других собственных исследований, игнорируя по крайней мере два фактора: в ведущих странах Европы еще в середине 60-х годов, как и в США, был достигнут так называемый минимальный гарантированный уровень качества жизни для всего населения. Этот качественный результат борьбы между трудом и капиталом нельзя недооценивать: если это сделано, можно публиковать любые результаты исследований, будучи уверенным в социальной стабильности стран или соответственно группы стран. Второй фактор состоит в том, что в Европе, в отличие от США, отсутствуют такие мощные стимулы к накоплению капитала именно в силу жесткой налоговой системы, отражающей стремление регулировать рынок со стороны государства.

Доктор К.Ф. Бергстейн, научный сотрудник Института международной экономики Петерсона в Вашингтоне, сформулировал концепцию конкурентной либерализации свободной глобальной торговли, основанную на том, что значительная часть мира уже избавилась от торговых барьеров или находится в процессе освобождения от них. Первой группой таких стран стали 15 первых членов Европейского союза и присоединившиеся к ним Австралия и Новая Зеландия. Этому примеру последовали: страны Средиземноморского бассейна, которые образовали с Европейским союзом Евромед; НАФТА – США, Канада, Мексика; латиноамериканская группа «Меркосюр» – Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай; Свободная торговая зона Америки; группа стран АСЕАН, объединенных Соглашением о свободной торговле, – Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам; группа стран Азиатского тихоокеанского торгового соглашения – США, Японии и Китай;

группа из двух стран – Австралия и Новая Зеландия. По мнению доктора Ф. Бергстейна, эти группы стран с различными уровнями экономического развития движутся все в одном направлении – конкурентной либерализации торговли. Эта же мысль распространяется и на наиболее самодостаточные по наполнению и ресурсам экономики Бразилию, Индию, Китай и Россию, к которым с некоторой оговоркой Ф. Бергстейн относит и США [Bergsten].

Казалось бы, концепция конкурентной либерализации торговли вполне логична, но есть несколько нюансов, которые тем не менее ставят ее под сомнение. Возьмем, например, пару США – Мексика и попытаемся ответить на вопрос: кто из них был заинтересован в либерализации торговли при организации НАФТА? В течение всего времени существования этой организации никаких качественных изменений в социально-экономическом развитии Мексики не произошло. Это крупная бедная страна с населением, приближающимся к 110 млн. человек. Присоединение к НАФТА обеспечило рост занятости за счет переноса производства автомобилей из Детройта на территорию Мексики, увеличение миграции мексиканцев на территорию Соединенных Штатов и еще ряда показателей, которые можно интерпретировать в пользу конкурентной либерализации торговли. Однако вряд ли это способствовало укреплению политической и экономической независимости страны, что наглядно проявилось в период продолжающегося кризиса. Так что в самом лучшем случае позитивные факторы уравновешиваются негативными.

Особый интерес представляют материалы диссертации М. Салимьерской, представленной экономическим факультетом Университета Суссекса в Брайтоне, «Либерализация доходов капитала и валютный кризис – пример стран ЦВЕ». Отвлекаясь от структуры и специфики работы, нельзя не видеть осторожного подхода автора к проблеме в целом, который выражается в том, что, по ее мнению, темпы и последовательность процесса либерализации доходов должны быть адекватны уровню развития страны [Sulimierska]. Шоковая терапия, характерная для архитекторов российских реформ, свелась к полной либерализации доходов российских капиталистов, результатом которой стала необычайно высокая доля европейской недвижимости, перешедшая в руки «новых русских», и соответственно практически полное разрушение отечественной промышленности. Никто не может объяснить, какие ценности при этом приобрело население и России, и стран Европы.

Соединенное Королевство играет специфическую роль в продвижении на рынки Европы американской идеи либерализации, что особенно наглядно проявилось в энергетической сфере. В результате двух десятилетий непрерывных усилий и инноваций в масштабах Западной Европы произошли определенные сдвиги в либерализации распределения газа, однако созданная система либерализации служит прекрасным примером типичной для Европы системы регулирования в терминах милой сердцу «демократизаторов» либерализации. Не менее сложно протекал процесс либерализации рынка электроэнергии в самой Великобритании. Несколько раз проходил процесс приватизации и национализации, запускались в действие различные маркетинговые структуры, в конечном итоге были разработаны рекомендации для всех стран Европейского союза [Joskow]. Примечательно, что Соединенные Штаты не пошли по пути создания единого законодательства, регулирующего процесс либерализации электроэнергетической отрасли, отдав это на рассмотрение отдельным штатам. Однако проект национальной электроэнергетической системы, разработанный после крупнейшей аварии в начале десятилетия на северо-востоке страны, предусматривает централизованное управление, взятое по принципу управления ГОЭЛРО.

Наиболее объективную оценку либерализации рынка ценных бумаг на формирующихся рынках дали сотрудники Колумбийского университета, Университета Дьюка в Северной Каролине и Университета в Индиане Г. Бекаэр, К.Р. Харви и К. Ландблэд. Описывая докризисный период, авторы исходят из того, что либерализация рынка ценных бумаг, если проводится корректно и эффективно, имеет своими результатами важные изменения как в

финансовом, так и в реальном секторах экономики. При этом делается очень важная оговорка – начало либерализации должно совпадать с готовностью экономики к этому процессу, т. е. сама экономика уже должна быть достаточно развитой, чтобы приступить к первым шагам по ее интеграции в мировую экономику. Авторы считают, что для эффективной либерализации необходимо выполнение двух условий. Во-первых, рынок должен быть сначала интегрирован, прежде чем переходить к регулируемой приватизации. Во-вторых, либерализация может иметь слабый эффект или не иметь его совсем, если инвестор не верит, что это надолго. Все усложняется еще и тем, что страны имеют различные стратегии либерализации [Beckaert, Harvey, Lundblad]. Такой подход импонирует фундаментальным взглядом на то, что должны делать экономисты, разрабатывающие стратегию развития страны.

Прямым отражением противоречий между США и Европой в области регулирования как национальных экономик, так и отдельных отраслевых рынков явилось противостояние Франции и Соединенного Королевства по вопросу регулирования финансовых рынков. Однако сам по себе диалог, особенно со стороны Великобритании, не принес каких-либо новых аргументов и носит подчеркнуто декларативный характер. Британская сторона считает, что, несмотря на провалы и очевидные опасения потерь, которые характерны для последних двух лет, несмотря на то что большинство людей готовы и хотят пользоваться системой усиленного регулирования, которая бы гарантированно предотвращала финансовый взрыв в интересах многих инвесторов и торговцев, ничего плохого с англо-американской моделью не произошло. По мнению британской стороны, Н. Саркози выражает мнение континентальной Европы, навязывая процесс регулирования на постоянной основе, что приведет к уничтожению конкурентного преимущества Европейского союза на финансовых рынках [Weeldon].

Глобальный финансовый кризис конца первого десятилетия XXI в. интересен не только противоположными концептуальными установками, содержащимися в англо-американской либеральной модели и европейской континентальной модели регулирования рынка, но и крайней неопределенностью взглядов на сроки завершения кризиса и способы преодоления тех негативных политических и экономических факторов, которые к нему привели.

Потери Европы в результате кризиса

На середину 2010 г. не видно никаких признаков завершения глобального кризиса: небольшое оживление на фондовом рынке, характерное для зимнего и весеннего периодов, может служить лишь какой-то характеристикой первого этапа кризиса, который еще тоже не завершился. Поэтому оптимистичные нотки в выступлениях политиков являются не более чем стандартными популистскими трюками. По сути дела ни одна из серьезных причин, которые привели мировое хозяйство к кризису, не устранена. Поэтому с точки зрения политических, экономических и социальных последствий кризиса все еще впереди. Однако это не мешает уже сейчас сделать оценку потерь от кризиса, по крайней мере на региональном, европейском уровне.

Начинать лучше всего с цифр, которые позволяют не только представить себе масштабы потерь, но и нередко раскрыть механизм камуфлирования того или иного социального явления, в частности деятельности верхнего звена управления мировым хозяйством. По оценке бывшего президента Всемирного банка Джеймса Вулфенсона, мировые финансовые рынки потеряют в результате кризиса до 1 трлн. долл. Сам Дж. Вулфенсон считает себя пессимистом и с этим связывает масштабы предполагаемых финансовых потерь [Wolfenson]. Существенно более пессимистичной картину потерь видят эксперты Международного валютного фонда, по данным которого финансовые потери уже составили более 4 трлн. долл., из которых 2,7 трлн. приходится на Соединенные Штаты, 1,2 трлн. – на Европу

и 0,15 трлн. долл. – на Японию [Global, April]. Однако и этот объем потерь представляется популистскими данными, если обратиться к оценке Азиатского банка развития – формально по происхождению ооновской организации, данным которой нельзя не верить. Исследование этого банка показало, что глобальные потери от мирового финансового кризиса уже составили 50 трлн. долл. [Global, March], при этом если брать за основу пропорции, представленные МВФ, то только на Европу может приходиться около 10 трлн. долл.

Приведенные оценки свидетельствуют, во-первых, о возможности использования разных методик расчетов, во-вторых, их можно объяснять разным временем проведения расчетов, в-третьих, хладнокровное отношение самих авторов к наличию огромной разницы в результатах оценок свидетельствует о том, что для них в сущности не имеет большого значения, какая величина финансовых потерь окажется корректной. Гораздо большее значение сейчас имеет будущая структура управления мировой экономикой и кто в ней будет субъектами управления. Проявляют себя претенденты на управление мировой экономикой именно на обсуждении различных аспектов кризиса, и Европа играет немалую роль в таких построениях. Например, весной 2009 г. Совет по международным отношениям (США) выступил со своим видением того, как кризис повлиял на некоторые развитые государства. По мнению Совета, развитые страны континентальной Европы столкнулись с жесткими экономическими проблемами в результате финансового кризиса и существенно снизили темпы экономического развития, повторяя то, что произошло в США и Великобритании. Франция, Германия и ряд других стран поддержали свои банки государственными займами. Исландия оказалась не в состоянии поддержать финансовый сектор и обратилась за помощью к другим странам. Это закончилось правительственным кризисом, что затем повторилось в Бельгии и Латвии. Совет по международным отношениям упоминает при этом мнение аналитиков о возможности ослабления Европейского союза как механизма, сочетающего координацию интегральных экономических усилий с политической суверенностью государств-членов [Issue Guide].

Национальные финансовые системы трех стран – Великобритании, Франции и Германии – продемонстрировали свою устойчивость, что не оказало существенного влияния на интегральные показатели потерь банковской системы Европы. По данным Европейского центрального банка, внутри зоны 16 членов ЕС ожидаемые потери от некачественных ценных бумаг на фондовом рынке и невозврата кредитов должны были составить 65 млрд. евро, а реальный объем потерь оказался 553 млрд. евро [European, December 9, 2009]. В гораздо более тяжелом состоянии оказались экономики стран, банковская система которых принадлежит уже зарубежным субъектам [Financial, October 13, 2008]. Список восточно- и южно-европейских стран, в значительной мере потерявших свой финансовый авторитет, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Зарубежная собственность финансовых институтов(% от всего банковского сектора)

Словакия	97,4
Чешская Республика	96,2
Хорватия	90,4
Босния	83,3
Болгария	80,0
Польша	79,6
Черногория	78,1
Румыния	70,0
Латвия	67,5
Сербия	60,0
Венгрия	58,9
Македония	54,0

Источник: 2008 Strategic Forecasting Inc. – Mode of access: www.stratfor.com

Хотя по происхождению и многоплановым последствиям глобальный кризис носит характер и структурного, и системного, наиболее емко он проявляется именно в финансовой области. В список стран, которым МВФ оказывает помощь, попали такие разные по своему положению и структуре экономики, как Исландия, Венгрия, Латвия, Украина, Беларусь [Andersen]. Известная финансовая авантюра Бернарда Мэдоффа привлекает внимание по многим причинам, одна из которых – вовлечение в операции таких известных банков Европы, как французский «БНП Париба», британский «Абби», испанский «Сантандер», швейцарский ЮБС. Последний, кстати, потерял на этом более 3 млрд. евро [Ripples].

Кризис больно ударил по Европе и в социальной сфере, причем ощутила она это тоже через финансы, в том числе через потери пенсионных фондов. Так, еще в самом начале кризиса, между июлем 2007 и июлем 2008 гг., частные пенсионные фонды Центральной и Восточной Европы недосчитались около 9 млрд. евро, в том числе Польша – около 6 млрд. евро, Венгрия – свыше 2 млрд. евро, Чехия – более 200 млн. евро [The crisis, 2010]. Одновременно кризис стимулировал лиц, не теряющих время на работу с подобными финансовыми организациями. Например, Европейский парламент делает отчаянные попытки зацементировать «черную дыру» объемом 106 млн. ф.ст., которые члены парламента получили в качестве «второй пенсии» [Waterfield].

Но кризис непосредственно в реальных секторах экономики стран Европы затронул интересы миллионов людей прежде всего из-за потери рабочих мест. Такие промышленные гиганты, как БМВ и «Даймлер» в Германии, «Рено» во Франции, обеспечивающие вместе с другими автомобильными компаниями Европы 12,5 млн. рабочих мест, вынуждены были приостанавливать производство [Perro]. Сталелитейная промышленность Европы оценивает суммарные потери в результате кризиса от 43 до 57 % [EU expects].

Кризис заставил европейцев, находящихся на самых разных уровнях социальной лестницы и занимающих весьма различные управленческие позиции, включая тех, кто входит

в британо-американскую элиту, претендующую на управление мировым сообществом в целом, приступить к переосмыслению концепций мироустройства и управления им. Ставятся под сомнение такие краеугольные понятия, как рыночная система, ее социальная эффективность, при этом целесообразность дальнейшего существования однополюсной системы просто не рассматривается, рост социальной напряженности на примере Греции ставит под сомнение стабильность и устойчивость Европейского союза. Игнорирование европейским потребителем таких американских брендов, как «Мальборо», «Кока-Кола», «Макдоналдс», «Форд» [European, October 29, 2004], не только просто из-за кризиса, а из-за кризиса, который пришел именно из США, стимулирует антиамериканские настроения и ставит под сомнение прочность трансатлантических отношений.

Разноплановый характер потерь, затянувшийся характер кризиса, лишаящий людей возможности планировать свою жизнь и поставивший перед предпринимателями непреодолимое препятствие в самом главном – стратегии роста, – все это остро ставит вопрос о том, когда наконец закончится этот изматывающий период кризиса и какими способами можно ускорить его окончание.

Временные границы кризиса и варианты выхода из него

Вопрос о времени выхода из кризиса требует ответа, но получение его невозможно, во-первых, без правильного понимания причин его возникновения, во-вторых, без масштабных мероприятий, направленных на их устранение. Сложность формулирования причин кризиса на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. состоит в многоплановости его характера – глобальный финансовый, мировой экономический, структурный и системный. Последняя характеристика представляет наиболее полное отражение происходящего, так как первые три во многом представляют собой составляющие последнего. Кроме того, это – кризис системы управления мировым хозяйством и мировым сообществом в целом на трех уровнях – корпоративном, страновом и глобальном. Еще один срез этого кризиса состоит в том, что он реализуется в трех сферах – политической, экономической и социальной и в значительной мере несет в себе бихевиористскую составляющую, т. е. выявленные закономерности и попытки их институционализации могут наталкиваться на сопротивление определенных групп достаточно влиятельных людей, интересы которых далеки от страновых или общественных.

Поэтому оценки сроков окончания кризиса нужно воспринимать в контексте, во-первых, времени, когда они делались, во-вторых, того, кем они представлены и, в-третьих, того, чем они обоснованы. Практика показывает, что, как правило, они не затрагивают основные причины кризиса и тем более фундаментальные основы тех факторов, которые необходимо устранить, а потому носят поверхностный, легковесный характер. Наиболее ответственные эксперты не обещают быстрого завершения кризиса. Еще в 2007 г. банковские аналитики и в США, и в Великобритании предсказывали, что кризис расплзется по всей мировой экономике [Experts].

Национальное бюро экономических исследований США официально объявило, что спад экономики закончился. С таким оптимистичным выводом не согласен финансовый аналитик Роберт Голден, который считает, что при росте ВВП на 1 % в условиях, когда бизнес находится в тяжелейшем положении, говорить о завершении процесса рецессии нельзя. По мнению Р. Голдена, рассматривающего ипотечный аспект кризиса, существуют только два условия, при которых выживает заемщик: первое – когда он успешно использует помещение для коммерческих операций, второе – когда заемщик имеет особые отношения с кредитором, делая большие депозиты. Однако сам Р. Голден считает, что эти случаи представляют собой исключения [Golden]. Известный финансовый спекулянт Джордж Сорос, относящийся к

влиятельным финансистам, иногда оказывающим серьезное влияние на конъюнктуру глобального финансового рынка, считает, что попытки повторения ликвидации кризиса на втором этапе с использованием тех же приемов, что и на первом, приведут к существенно большим потерям.

Важнейшим показателем состояния мировой экономики в период кризиса является динамика фондового рынка. За три с половиной года стоимость акций в среднем уменьшилась на 56 %, в том числе крупнейшей в мире нефтяной компании «Эксон-Мобил» – только за пять месяцев зимне-весеннего сезона 2008–2009 гг. с 94 до 62 долл. [When crisis]. Отсюда следует, что даже о фиксированном времени завершения первого этапа кризиса пока говорить еще рано.

Оттенки трезвой оценки кризиса во временном контексте прозвучали в оценке председателя Центра Никсона Мориса Гринберга, который считает, что все предпосылки кризиса созрели еще во времена президента Б. Клинтона. Будучи в прошлом председателем совета директоров Федеральной резервной системы США, М. Гринберг как профессионал прекрасно понимал, чем для США и всего мира закончатся манипуляции с активами ФРС. По его мнению, Международный валютный фонд обладает прекрасным инструментом стабилизации национальных рынков, но он оказался не в состоянии изменить ситуацию, созданную ФРС. М. Гринберг не сводит проблему только к действиям США. Например, влияние третьей экономики в мире – японской, по его словам, так велико, что ни о каком выходе из кризиса не может быть и речи, пока сама японская экономика не пойдет на подъем. Тупиковый характер ситуации, по М. Гринбергу, состоит в том, что японцам удалось поставить себя в такое положение, когда активное взаимодействие с японской экономикой приводит иностранных игроков к высокому риску, оставляя японскую экономику в безрисковой ситуации, но одновременно без шансов к заметному росту [Greenberg]. Построения М. Гринберга свидетельствуют о примитивности оптимистических оценок и сроков и путей выхода из кризиса в силу не существовавших ранее масштабов мировой экономики и сверхсложных связей между ее структурными элементами.

Управляющий Центральным банком Японии Масааки Ширакава дает профессиональные рекомендации, как выйти из кризиса, если бы этот кризис был только экономический, а не системный. Они сводятся к четырем пунктам: обеспечение потребности в ликвидных ресурсах, поддержка функционирования кредитного рынка, придание макроэкономических стимулов, вливание государственного капитала и устранение неопределенностей в обеспечении экономических балансов. М. Ширакаву вряд ли можно обвинить в непонимании природы глобального кризиса, поэтому приходится списывать проамериканский характер его позиции на необходимость следования деловой этике. Но это вовсе не означает, что такая благозвучная для США формулировка принесет самим Соединенным Штатам какую-либо практическую пользу [Shirakawa].

Профессор Бостонского университета Кевин Галахер и руководитель программы Института глобального развития и окружающей среды Тафтского университета Тимоти Вайз считают, что для выхода из кризиса нужно прежде всего реформировать ВТО. По их мнению, необходимо признать, что мировая экономика состоит из наций, находящихся на достаточно удаленных друг от друга уровнях развития. Чтобы на каждом уровне обеспечить «пространство для проведения торговой политики», необходимо ввести пять принципов: во-первых, каждая страна должна предусмотреть возможность в рамках ныне действующих правил ВТО использования механизмов обеспечения экономической безопасности при импорте, инвестировании, субсидировании кредитов, стимулировании национальной экономики посредством правительственных программ. Во-вторых, развивающиеся страны должны стать объектом частичной координированной глобальной ответственности, состоящей в необходимости вложения в их экономику по крайней мере 1 трлн. долл. В-третьих,

США и Европа должны согласиться с субсидированием производства хлопка и сахара. При этом фермеры Западной Африки и Латинской Америки поддержат действующие правила ВТО. В-четвертых, для производства долго живущий принцип ВТО «специализируй и дифференцируй процедуры» должен быть для бедных стран представлен в иной форме, поощряющей переход от производства дешевых наркотиков к диверсификации экономик. Наконец, в-пятых, необходимо объявить мораторий на соглашения о преференциальной торговле в отношениях Севера и Юга [Gallagher, Wise]. Как видно, К. Галахер и Т. Вайз видят в представленных предложениях выход из кризиса, точнее – одну из мер по выходу из него. Оставляя в стороне оценку практической эффективности этих предложений, нельзя не заметить, что авторы предложений, формально предлагая реформировать ВТО, на деле предпочитают, не меняя правил и процедур, проводить иную торговую политику, причем временно, пока кризис не закончится.

Некоторые американские издания, в частности «Журнал американского института по изучению предприятия», в своей явно популистской публикации [Lachman] утверждает, что в самих Соединенных Штатах экономика уже восстанавливается и теперь проблемой мировой экономики является продолжение экономического спада в Европе. Но это уже фрагмент не анализа, а целого набора политических течений, которые неизбежны на различных стадиях глобального кризиса.

Кратко рассмотрев оценки сроков окончания кризиса и мнения некоторых экспертов о путях выхода из него, отдавая себе отчет в том, что кризис находится еще на неопределенной стадии своего развития, представляется полезным рассмотреть мнения некоторых политических лидеров о том, как кризис формировался, какие способы выхода из него представляются наиболее эффективными и какую систему регулирования необходимо вводить для того, чтобы этого не повторилось в будущем.

Позиции лидеров ведущих стран Европы по вопросу рыночного регулирования экономик

На какой бы уровень приоритета ни претендовали лидеры ведущих стран Европы, формулируемая ими позиция по актуальным вопросам развития всегда соотносится с позицией Соединенных Штатов. Поэтому вопрос о регулировании экономик и меры, предлагаемые для обуздания кризиса, лучше всего начинать с базовой позиции – взглядов на проблему глазами Вашингтона. Здесь наблюдается определенная динамика в пределах текущей остроты проблемы и временных границ кризиса. В 2008 г., когда крупные фирмы просили помощи у государства, экономическая пресса охотно публиковала статьи о необходимости регулирования экономики. И те финансовые круги, которые привели к власти Б. Обаму, спокойно смотрели на его популистские высказывания на этот счет. Президент США вынужден был даже выступить с инициативой о новых ограничениях в объемах и сферах деятельности финансовых институтов. В частности, он предложил ограничить сферу их деятельности посредством исключения в застрахованных депозитарных институтах или финансовых компаниях, которым принадлежат застрахованные депозитарные институты, владения, инвестирования или спонсирования хеджевых фондов, или наличия частных фондов обыкновенных акций, а также проведения частных операций, не имеющих отношения к заказчикам. Кроме того, президент Б. Обама предложил ограничить размеры финансовых институтов посредством наложения пределов их недепозитной ответственности. Эти ограничения призваны стать дополнительными, сдерживающими объемы депозитов и налагающими ответственность за незастрахованные депозиты и содержание оптовых фондов [President]. Сопоставляя масштабы объектов, предлагаемых для регулирования, с могуществом тех механизмов, которые привели к кризису, несложно сделать вывод об их реальной значимости. Это не более чем

мероприятие для выпуска пара и умиротворения общественности, большая часть которой далека от понимания истинных причин кризиса.

Премьер-министр Великобритании Гордон Браун вместо конкретной программы преодоления кризиса в Европе призывал к введению в финансовые рынки «сильного чувства ценностей». Другим его призывом стало рассмотрение Европейского союза в качестве занимающего «уникальную позицию» для обеспечения мирового лидерства в нахождении пути выхода из «международного урагана, охватившего мир». Особое беспокойство Г. Брауна вызывала опасность скатывания на позиции протекционизма, к чему, как считают в Европе, склонна Франция [Vucheva]. Такая позиция премьер-министра Великобритании только подтверждала, что для финансовой элиты этой страны пролив Ла-Манш представляется более широким препятствием, чем Атлантический океан.

Наиболее активные позиции по преодолению кризиса занимают президент Франции Николя Саркози и канцлер Германии Ангела Меркель. Н. Саркози продемонстрировал стремление обуздать кризис не только в национальных рамках, но и в рамках Европейского союза и всего мирового сообщества. Это именно Н. Саркози призвал руководителей крупнейших государств мира разобраться с «сумасшедшей системой», которая привела мировую экономику к спаду [Varner]. Появление нового управленческого органа – саммита G-20 – во многом обязано усилиям французского президента. Среди действий по преодолению последствий кризиса на страновом уровне – государственная помощь автомобильным компаниям, встречи с лидерами пяти профсоюзов с целью смягчить рост безработицы, ряд мер по социальным проблемам, связанным с кризисом в заморских владениях Франции [Bamat].

С очень жесткой критикой по отношению к позиции либералов выступила канцлер Германии Ангела Меркель. В основе ее подхода к выходу из кризиса и послекризисному мироустройству – усиленное международное финансовое регулирование, базирующееся на более строгом контроле и более высокой прозрачности. По мнению А. Меркель, мир изучает уроки кризиса, обращая свое внимание на финансовые излишества и безответственное поведение некоторых банкиров и менеджеров, которое и привело к кризису. Германский канцлер считает, что пришло время вводить принципы «социальной маркетинговой экономики», которым придется следовать во всем мире. При этом, как она считает, государство должно стоять на страже экономического и социального порядка, а конкуренция должна быть в пределах чувства пропорций и социальной ответственности [Merkel]. Однако немцы, если верить национальным рейтингам, считают, что Б. Обама гораздо ближе к решению кризисных проблем, чем А. Меркель. При этом они правильно выделяют страну, от которой так много зависит, но одновременно уподобляются наивным простакам, считая, что президент США может избавить их от кризиса. Таких, по рейтингу, оказалось 80 %, на А. Меркель ставку делают только 58 %, на Европейский союз – 55 % опрошенных [Vitzthum, April 3, 2009].

Американский аналитик Картер Догерти [Dougherty], пытаясь понять, почему Германия предпочитает регулирование экономики стимулированию при выборе и путей выхода из кризиса, и ее управлению в послекризисный период, погружается в Дж. Кейнса и дискуссию вокруг различных течений либерализма. Естественно, никаких обоснованных рекомендаций в результате анализа он не предлагает. Но его построения неизбежно ставят вопрос: почему за кризис, который, как считают специалисты, является «делом рукотворным», никто не несет ответственность? При этом, хотя до разрешения кризиса пройдет немало времени, еще более волнующим вопросом является, какой финансовый и экономический порядок в мире установится после кризиса.

Европа после кризиса: Новая роль в старых границах

Попытки выстроить систему нового экономического порядка, которая в значительной мере проявится к концу следующего десятилетия, опять неизбежно приводят к оценке причин кризиса, во-первых, потому, что он продолжается, во-вторых, в связи с тем, что такую систему нельзя построить без понимания того, как работает современная мировая экономика. И камнем преткновения является то, что очевидные вещи, предельно ясные каждому аналитику, нельзя подробно рассмотреть и донести до всех заинтересованных лиц, так как этого не хотят те, кто стоял у истоков кризиса. Если 20 лет назад можно было говорить о тоталитарной системе, господствовавшей в рамках одного государства, то теперь не принято говорить о системе, действующей сверху на все государства, так как прежде всего это практически ничего не даст, а во-вторых, неизвестно, чем это закончится для тех, кто об этом говорит. Вот почему приводимый ниже материал о взглядах на причины кризиса и новый мировой экономический порядок носит такой противоречивый и более чем сдержанный в оценках характер.

За полгода до выборов в Европейский парламент в июне 2009 г. на семи языках была распространена предвыборная платформа, утверждавшая, что кризис демонстрирует провал неолиберальной глобализации, которая максимизировала прибыль основных игроков финансового рынка без какого-либо государственного контроля и вмешательства. Политики, государства, общество в целом подчинились неконтролируемым финансовым рынкам. Результат известен: отсутствие демократии и конец благосостоянию государства [Together]. Казалось бы, такая решительность в оценке очевидного требует ее сохранения и в предлагаемых действиях, но этого не происходит: сохраняется только уверенность в том, что решить проблему можно только вместе, общими усилиями. Но сами предложения носят расплывчатый с точки зрения конкретных механизмов реализации характер. Например, Дин Шоуенмейкер, декан Дюизенбергской школы финансов, считает, что в условиях угрозы единой банковской системе Европейского союза европейским политикам придется выбрать две цели из финансовой трилеммы: обеспечение финансовой стабильности, финансовой интеграции и проведение национальной финансовой политики. Первой страной, выступившей против последней цели, оказалась Великобритания [Schoenmaker].

Особая роль, которую Соединенное Королевство намерено сыграть в создании системы обновленных международных экономических отношений, проявилась в высказываниях премьер-министра Гордона Брауна, который заявлял, что финансовый кризис не должен послужить оправданием за отступление к протекционизму, он должен рассматриваться как «тяжелые предродовые схватки нового глобального порядка». Г. Браун уточнил, что «мы могли бы позволить этому кризису начать отступление от глобализации... Как некоторые хотят, мы могли бы закрыть наши рынки – для капитала, финансовых услуг, торговли и для труда и потому уменьшить риски, которые несет глобализация... Но это бы уменьшило глобальный рост, отлучило бы нас от благ глобальной торговли и приковало бы миллионы к глобальной бедности» [Brown]. Все возражения Г. Брауну можно ограничить замечанием: число бедных на планете исчисляется в миллиардах и глобализация не привела к уменьшению этого показателя.

Затушевывая истинные причины кризиса, ангажированные специалисты, во-первых, стремятся не рассматривать их в едином комплексе, выделяя нередко одну составляющую, например ипотечную. Во-вторых, при рассмотрении одного аспекта кризиса они концентрируют внимание только на самом финансовом механизме, абсолютно игнорируя наличие благоприятного социального в этом случае государственного окружения, что и обеспечило бесконтрольный рост финансового пузыря и его неизбежный конец. Именно так пытается

делать Марк Тома, утверждая, что для этого нужно наличие ликвидности средств и кредит, а также повышенный спрос. Затем он ставит вопрос об обесценивании риска и провале секьюритизации с целью распространения риска по всей финансовой системе. Примитивизируя логику М. Тома, можно его трактовку причин финансового кризиса – именно так он назвал свой материал [Тома], – свести к следующей форме изложения. На рынке сложились благоприятные условия для удовлетворения повышенного спроса на недвижимость. При этом вырос финансовый пузырь, который не удалось погасить с помощью секьюритизации, т. е. поэтапным выпуском ценных бумаг все меньшей стоимости посредством соединения пулов дорогих с дешевыми бумагами. При такой трактовке, конечно, не может возникнуть мысль об ответственности за потери, которые понесли сотни миллионов людей, потому что гораздо меньшее число людей стало существенно богаче именно благодаря кризису.

Признавая необходимость построения новой Бреттон-Вудской системы – это значит с новым механизмом доминирования, – адвокаты мировых олигархических группировок считают, что настало время выбора между скоординированным совместным разрешением финансового кризиса, которое бы охватывало весь развивающийся мир, и собственными попытками стран решить проблему кризиса, в то время как экономика остального мира продолжает падать вниз [Finding a way]. Смысл такого подхода предельно ясен: кризис обогатил группу олигархических семей, а разрешать его будут все страны, в том числе развивающиеся. Международное сотрудничество в разрешении проблем кризиса предлагается построить в трех направлениях: во-первых, повысить спрос посредством монетарных свобод, фискальных стимулов, восстановления банковской кредитной системы; во-вторых, существенно увеличить ресурсы Международного валютного фонда, что по замыслу должно предотвращать распространение кризиса от корпораций на государства; в-третьих, необходимо реформировать глобальное финансовое регулирование, акцентируя внимание на налогообложении и проблемах прозрачности операций [Darling]. Именно здесь проходит тонко камуфлируемый водораздел между действительно необходимым сотрудничеством в разработке системы финансового регулирования и плохо скрываемыми попытками заставить государства отказаться от финансового суверенитета и отдать его как раз тем, чьими рукотворными усилиями и сформирован этот кризис. Нельзя не согласиться с Гари Райтом, который считает, что у кризиса нет одного решения, требуется много подходов к решению различных проблем, связанных с неустойчивостью цен на нефть, ростом экономик Китая и Индии, политической нестабильностью во многих странах, создающих неопределенность и страх за вложения в инвестиционные институты, личные сбережения и пенсии [Darling].

Своеобразный итог межатлантическим спорам о регулировании экономики и роли государства подвел в статье, напечатанной в «Уолл-стрит джорнал», министр финансов Германии П. Штайнбрук. По его словам, после коллапса финансового гиганта «Лемон Бразерс» стало ясно, что индивидуальные меры правительственной поддержки в регулировании, существенные вливания ликвидных средств из Центрального банка (ФРС США. – *Авт.*) оказались недостаточными для сохранения доверия к финансовым рынкам. Правительства стран поняли, что такое доверие можно вернуть только системными, понятными всем решениями. Капитализм с невмешательством в экономику, проповедуемый Чикагской школой экономистов, показал свою полную несостоятельность [Steinbruck].

Вопрос о будущем мировом экономическом порядке неизбежно ставит другой вопрос – о новой финансовой архитектуре мира. При этом вновь всплывает проблема мировой резервной валюты. За три года кризиса все как-то забыли о том, что видимый кризис начался с резкого падения доллара. Сейчас другая стадия кризиса, вопрос временно отошел на задний план, но отнюдь не перестал быть весьма актуальным [List of.; Sender]. Доллар не может оставаться резервной валютой по многим причинам, среди которых одно из важнейших мест занимают его ничтожное наполнение реальным капиталом и дефицит платежного

баланса США, превысивший 13 трлн. долл. Китай продолжает скупать доллары, претендуя на более чем весомый голос в решении вопроса о структуре новой международной резервной валюты.

Продолжающийся рост могущества Китая, в первую очередь экономического, притом что пик могущества США, по-видимому, приходится на 2003 г., становится основой для раздумий об основе нового международного экономического порядка. В СМИ уже просматривается идея о том, что США больше не будут претендовать на доминирование, оставляя за собой только лидерство [Financial, March 5, 2009]. А вот с лидерством вопрос совершенно не очевиден: нетрудно найти аналогичные идеи, весьма серьезно подкрепленные финансово и материально, в исследованиях самих американских авторов. Поэтому правильнее говорить о двух лидерах, и именно на такой основе выстраивать свои представления о новом международном экономическом порядке.

Качественное изменение структуры управления мировым сообществом не может не повлиять на позиции Европы в мире и на ее роль в создании и позициях, которые она будет занимать в рамках действия нового мирового экономического порядка. Гегемония определенных олигархических финансовых групп – весьма сложная по структуре, но простая по сосредоточению власти [List of] – завершается, потому что рядом с этой силой все больше проявляется другая – азиатская. Какую конфигурацию приобретет новая структура надгосударственного управления – покажут следующие два десятилетия. При этом не следует ни абсолютизировать эффективность и действенность такой системы управления – она может далеко не все, но и недооценивать ее не следует, как показали события в США и России в предыдущие два десятилетия.

* * *

Профессор Университета Сан-Хосе Скотт Норвуд в частной беседе отмечал, что мы живем во времена суперсистем, когда миллиарды людей, не видя и не зная друг друга, зависят один от другого. Современное поколение пенсионеров в России стали свидетелями того, как бедная страна, располагающая ресурсами, за полвека проходит путь мобилизационной экономики, обретает потребительскую психологию и при наличии неэффективного руководства страной теряет конкурентоспособность. В определенной мере сейчас это относится к Соединенным Штатам и тем более к Европе. Естественно, особое положение Европы сохранится в силу того, что она продолжает консервировать и генерировать гуманитарные ценности, но доля этого сектора деятельности европейского общества еще больше сократится к середине текущего столетия. Европе придется потесниться под влиянием Китая и теряющих свои позиции США. При этом Китай, ни у кого не спрашивая и не претендуя на новые политические лозунги, оправдывающие его глобальную экспансию, просто займет значительную часть европейского рынка товаров, услуг и рабочих мест. Вполне возможно, что европейцам окажется выгоднее забыть многовековую неприязнь к России и искать для себя новые дивиденды от интеграции экономик и социальных механизмов в евро-азиатском регионе. Поиск выхода из кризиса, взаимодействие при разработке механизма международной резервной валюты неизбежно создадут новые предпосылки для сближения.

Литература

Andersen C. IMF helping counter crisis fallout in emerging Europe // IMF survey Magazine. – January 14. – 2009. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2009/ont011409a.htm>

Bamat J. Sarkozy meets union heads to discuss crisis // france24.com – February 16, 2009. – Mode of access: <http://www.france24.com/en/20090218-sarkozy-meet-union-heads-discuss-crisis-economy-jobs-france>

Bekaert G., Harvey C.R., Lundblad C. Equity market liberalization in emerging Markets. – N.Y.: Columbia university. – September 23, 2002. – P. 1–14. – Mode of access: <http://www.kelley.lu.edu/clundbla/stifed.pdf>

Bergsten C.F. Competitive liberalization and global free trade: A vision for the Early 21st Century. – Peterson institute for international economics, Working Paper 96-15. – 2010. – P. 123. – Mode of access: <http://www.iie.com/publications/wp/wp.cfm?ResearchID=171>

Bernanke defends for US Fed's actions during financial crisis // cctv.com – December 4, 2009. – Mode of access: <http://english.cctv.com/program/bizchina/20091204/102630.shtml>

Brown sees «new world order» after crisis // google.com – January 25, 2009. – Mode of access: <http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM51401zq4gxDHYS97JTNbQm>

Cara B. Recovery of the financial crisis could take a few years // dailymarkets.com – April 22, 2009. – Mode of access: <http://www.dailymarket.com/economy/2009/04/22/recovery-of-the-financial-crisis0could->

The crisis melted down 9 million Euros from the CEE pension funds // privatepensions.ro. – Mode of access: <http://www.privaepensions.ro/The-crisis-melted-down-9-Euros-from-the>

Darling A. International cooperation is the way out of the financial crisis // The Wall Street journal. – March 13, 2009. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB123690430171914125.html>

Dougherty C. Why Germany Prefers Regulation to Stimulus // The New York times. – February 18, 2010. – Mode of access: <http://economix.blogs.nytimes.com/2009/04/06/why-germanyprefers-regulation-to-stimulus/>

EU expects unprecedented damage to its industries // DW-WORLD.DE. – February 12, 2009. – Mode of access: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4021483,00.html>

European consumers ignore most of famous US brands // pravda.ru – October 29, 2004. – Mode of access: <http://english.pravda.ru/world/20/91/365/14508-usgoods.html>

European emerging economies, is likely to increase bad debts // International Trade co.ltd. – December 9, 2009. – Mode of access: <http://www.95800.net/html/as/article/0912219192866161.html>

Experts predict crisis will blow over // TheStandard.com – March 2, 2010. – Mode of access: http://www.thestandard.comhk/news_detail.asp?pp_cat=22&art_id=511101&sid=14910667&con_type=1

Financial crisis in Europe // Stratfor. Global intelligence. – October 13, 2008. – Mode of access: http://www.stratfor.com/analysis/20081012_financial_crisis_europe

Financial crisis upsets global economic order // worldfocus.org – March 5, 2009. – Mode of access: <http://worldfocus.org/blog/2009/03/05/financial-crisis-upsets-global-economic-order/>

Finding a way out of the global crisis // Financial Times. – November 2, 2008. – Mode of access: http://us.ft.com/ftgateway/superpage.ft?news_id=fto110220081420439702&page_2

FRB Increases interest rate charged at discount window and reduces maturities of discount window loans // Goodwin Procter. – February 24, 2010. – Mode of access: <http://www.financialcrisisrecovery.com>

Gallagher K.P., Wise T.A. Trading our way out of the financial crisis: The Need for WTO Reform // American Prog. – March 4, 2009. – Mode of access: <http://americas.irc-online.org/am/5920>

Global financial crisis to cost four trillion dollars: IMF // Khaleej Times. – April 22, 2009. – Mode of access: http://www.khaleejtimes.com/displayArticle.asp?xfile=data/business/2009/April/business_April941.xml§ion=business&col

Global financial market lost 50 trillion dollars due to crisis // visitbulgaria.info – March 9, 2009. – Mode of access: <http://visitbulgaria.info/8473-global-financial-markets-lost-50-trillion-dollars-due-crisis>

Golden R.B. The financial crisis is not over / EzineArticles.com – 2010. – Mode of access: <http://ezinearticles.com/?The-Financial-Crisis-is-Not-Over&id=3431390>

Grenberg M.R. The global financial crisis // [Nixon Center Perspectives](http://NixonCenterPerspectives.com). – Vol. 3, Number 5. – P. 1–5. – February 2010. – Mode of access: http://www.nixoncenter.org/publications/Perspectives/greenberg3_5.htm

Grosjean P., Senik C. Why populist democracy promotes market liberalization. – Institute for the study of Labor. – IZA DP # 3527. – June 2008. – Mode of access: <http://search.yahoo.com/search?p=Why+populist+Democracy+Promotes+Market+Lib>

Issue Guide: Western Europe and the global financial crisis / Council on Foreign relations. – May 2009. – Mode of access: http://www.efr.org/publication/19525/issue_guide.html?utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+public

Joskow P.L. Lessons learned from electricity market liberalization // [The Energy Journal](http://TheEnergyJournal.com), Special Issue. – The Future of Electricity. – Papers in Honor of David Newbery. – Copyright © 2008 by the IAEE. – Mode of access: http://search.yahoo.com/search;_ylt=A0geus9KHYIL.zoALoJXNy0A?p=Before+crisi...

Kubis J. Financial crisis will be over in some 18 months. – [Kubis](http://Kubis.com) // [zawaya](http://zawaya.com). – March 2, 2010. – Mode of access: <http://www.zawaya.com/marketing.efm?zp&p=/Story.cfm/sidKUN0027090319104532/>

Lachman D. The world economy's Europe problem. – [The American](http://TheAmerican.com) // [The Journal of the American Enterprise Institute](http://TheJournaloftheAmericanEnterpriseInstitute.com). – May 7, 2009. – Mode of access: <http://www.american.com/archive/2009/may-2009/the-world-economy2019s-europe-problem>

Liberalization // [Wikipedia](http://Wikipedia.com), the free encyclopedia. – Mode of access: <http://en.wikipedia.org/wiki/Liberalization>

List of Bilderberg participants // [Wikipedia](http://Wikipedia.com), the free encyclopedia. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Bilderberg_participants

Merkel says crisis chance for tough financial rules // alibaba.com – December 30, 2008. – Mode of access: <http://news.alibaba.com/article/detail/finance/100035338-1-merkel-says-crisis-chance>

Perro J. Crisis hits European car makers // [Radio Nederland Wereldomroep](http://RadioNederland.com). – Brussels. – October 30, 2008. – Mode of access: <http://static.rnw.nl/migratie/www.radionethernands.nl/currentaffairs/region/Europe/081030-++europe-car-crisis-me-redirected>

President Obama Proposes new restrictions on the size and scope of financial institutions // [Financial crisis recovery](http://FinancialCrisisRecovery.com). – February 3, 2010. – Mode of success: <http://www.financialcrisisrecovery.com/>

Ripples from Madoff losses felt in Europe // [Euronews](http://Euronews.com). – December 12, 2008. – Mode of access: <http://www.euronews.net/2008/12/15ripples-madoff-losses-felt-in-europe>

Schoenmaker D. The financial crisis: Financial trilemma in Europe // [voxeu.org](http://Voxeu.org) – December 19, 2009. – Mode of access: <http://www.voxeu.org/index.php?q=node/4420>

Sender H. Is the dollar rally about to come to a nasty end? // [Financial Times](http://FinancialTimes.com). – March 20–21, 2010. – P. 21.

Sender H. Is the dollar rally about to come to a nasty end? // [Financial Times](http://FinancialTimes.com). – March 20–21, 2010.

Shirakawa M. Way out of the economic and financial crisis – lessons and policy actions. – N.Y., 23 April 2009 // [BIS Review](http://BISReview.com). – N 50, 2009. – Mode of access: www.bis.org/review/090427a.pdf

Steinbrück P. Germany's Way out of the Crisis // The Wall Street Journal. – December 23, 2008. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB1229988189254627575.html>

Sulimierska M. Capital account liberalization and currency crisis – The case of Central Eastern European countries. – Economic Department, University of Sussex. – 2008. – P. 1–110. – Mode of access: http://search.yahoo.com/search;_ylt=A0geus9KHYIL.zoAIoA?p=Before+Crisis...

Together for Change in Europe! // European-left.org – Berlin, November 29, 2008. – Mode of access: http://www.european-left.org/english/elections_2009/electoral_platform/

Toma M. What Caused the Financial crisis? // Economist's View. – October 4, 2008. – Mode of access: <http://economistview.typepad.com/economistview/2008/10/what-caused-the.html>

Varner B. Sarkozy urges credit-crisis summit as world leaders blame US // Bloomberg.com – March 06, 2009. – Mode of access: http://www.bloomberg.com/apps/news?id=20601087&sid=aRO_NNUxunJo&refer=home

Verhofstadt G. The Financial Crisis: Three Ways Out for Europe // Bertelsmann Stiftung. – Gutersloh. – November 2008. – Mode of access: <http://www.google.ru/search?hl=ru&source=hp&q=The+ways+our+of+the+global+fi...>

Vitzthum T. Germans look to Obama rather than Merkel in crisis // welt.de – April 3, 2009. – Mode of access: <http://www.welt.de/english-news/article3496044/germans-look-to-Obama-rather-than-Merkel-in-crisis.html>

Vucheva E. Brown urges eu to lead financial recovery // Business week. – February 24, 2010. – Mode of access: http://www.businessweek.com/globalbiz/content/mar2009/gb20090325_785132.htm

Waterfield B. Archive for the «Economic crisis» Category // euobserver.com – Mode of access: <http://blog.euobserver.com/waterfield/category/economic-crisis/>

Weeldon H. UK financial market regulation – the final humiliation! // The European journal. – December 10, 2009. – Mode of access: http://europeanjournal.typepad.com/my_weblog/2009/12/uk-financial-market-regulation-the-final-humiliation.html

When crisis will end // dailywealth.com. – 2010. – Mode of access: http://www.dailywealth.com/archive/2010/feb/2010_feb_03.asp

Wolfenson «Pessimistic» as financial losses rise // Bloomberg.com – February 27, 2009. – Mode of access: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=206010877sid=apwbGp412mVk&refer=home>

Европа в тисках мирового кризиса: «Кто виноват» и «что делать»

О.Э. Петруня

Аннотация. В статье подвергается критике модель технического уклада С. Глазьева, несущая в себе представления о противоречиях, которые привели к кризису. Выстраивается историческая цепочка формирования мировой олигархической финансовой элиты, зародившейся в Великобритании и усиленной Соединенными Штатами. Показана бесперспективность выбранного Европой пути развития, контролируемого финансовыми спекулянтами.

Abstract. The model of technological tenor proposed by S. Glazyev including contradictions which led to the crisis is criticized. Historical chain is being built which formed the world oligarchic elite, which was born in UK and later strengthened by the United States. The deadlock of the way of development chosen by Europe and controlled by financial speculators is shown.

Ключевые слова: пессимистический прогноз, волна экономического кризиса, технологический уклад, системный экономический анализ. Взаимодействие экономических и других факторов, использовать механизм общего дела в частных интересах.

Keywords: pessimistic forecast, wave of economic crisis, technological tenor, system economic analysis, interaction of economic and other factors, to use a mechanism of common cause for private interests.

Кризис: выбор объясняющей модели

Тема мирового кризиса сегодня является самой актуальной. Заголовки газет и новостных сайтов пестрят кризисной тематикой. Живо обсуждаются вопросы длительности кризиса и перспектив выхода из него. Всю совокупность сообщений на эту тему можно разделить на две группы – оптимистическую и пессимистическую.

Оптимистические тексты сообщают о том, что кризис прошел и наступил экономический рост. Эту позицию можно маркировать как пиар или, если быть точнее, – пропаганда. Ее цель – скрыть истинное положение дел и, что самое главное, его причину. Ответственность за пропаганду, как и за весь кризис, несет мировая финансово-экономическая элита, контролирующая основные механизмы и рычаги глобального управления, и компрадорская буржуазия зависимых от Запада стран. И первые, и вторые не имеют желания менять систему управления современной мировой экономикой и политикой. Последнее обстоятельство делает резонным вопрос об управляемости современного кризиса. Будем считать цель достигнутой, если сможем хотя бы отчасти на него ответить.

Пессимистический прогноз предсказывает очередную волну экономического кризиса и выход из него в далекой перспективе. Однако все те, кто предупреждает нас о «второй волне», не могут быть безоговорочно отнесены в стан желающих разобраться в реальном положении дел. Здесь также можно выделить две группы: 1) риторы, создающие видимость критического разбора ситуации; 2) аналитики, пытающиеся разобраться в причинах кризиса и предлагающие пути выхода из него. Последних можно разбить еще на две группы: а) мыслящие в рамках экономизма (преимущественно негуманитарии); б) опирающиеся на ценностно-мотивационные подходы (преимущественно гуманитарии).

Группа критических раторов фактически выполняет роль «своего (парня) среди чужих», что обеспечивает снижение протестного градуса в среде интеллектуалов. «Свой

парень» иногда выглядит вполне типичным борцом среди враждебного окружения, деятельности которого так трудно сопротивляться. Однако на поверку «свой парень» всего лишь изображает борца на фоне «плохих парней», но в жесткой связке с ними. Так, министр финансов РФ Кудрин не раз высказывал мысль о долговременности текущего кризиса, он даже признавал ошибочность курса на поддержание «сильного» рубля. На фоне «плохого парня», главы Центрального банка Игнатъева, делавшего прямо противоположные заявления, это выглядело вполне привлекательно. Однако совместными усилиями оба («хороший» и «плохой») продолжали финансовую политику, ведущую к снижению рентабельности производства отечественных товаров и услуг.

Экономизма для анализа кризисных процессов сегодня явно недостаточно. С этих позиций возможно признание кризиса не только долгосрочным, но и структурным, возможна критика текущей экономической политики, однако практически исключен вывод о бесперспективности существования самого капитализма и техногенной цивилизации.

В этой связи интерес представляет позиция известного экономиста С.Ю. Глазьева. Еще в 1998 г. он писал о доминирующем сегодня технологическом укладе как о целостной системе воспроизводства, сложившейся в 50–60-е годы и ставшей «технологической основой экономического роста после структурного кризиса 70-х годов. Ядро этого технологического уклада составляют микроэлектроника, программное обеспечение, вычислительная техника и технологии переработки информации, производство средств автоматизации, космической и оптико-волоконной связи». Все это сопровождается «соответствующими сдвигами в энергопотреблении (рост потребления природного газа), в транспортных системах (рост авиаперевозок), в производстве конструкционных материалов (рост производства комбинированных материалов с заранее заданными свойствами)» [Глазьев, 1998, с. 76]. Автор полагает, что именно благодаря такому укладу «произошел переход к новым принципам организации производства: непрерывному инновационному процессу, гибкой автоматизации, индивидуализации спроса, организации материально-технического снабжения по принципу «точно вовремя»; новым типам общественного потребления и образа жизни» [Глазьев, 1998]. Такое объяснение напоминает ситуацию, когда лошадь запрягают позади телеги. По Глазьеву получается, что образ жизни (этос) меняется только после очередной волны технических метаморфоз. Однако мы знаем, что в Англии в период первичного накопления капитала именно изменение образа жизни подготовило промышленную революцию. Изменению образа жизни предшествует изменение системы мышления и ценностей. В связи с этим встает второй вопрос: почему, рассуждая о системе хозяйства XX в., Глазьев игнорирует различия капиталистической и социалистической экономик? Видимо, потому, что он не видит между ними разницы. Верно, между ними действительно никакой *технологической* разницы не было, зато была колоссальная аксиологическая (ценностная) разница. Это сегодня хорошо знает каждый житель России, рожденный и воспитанный в СССР.

А. Айвазов в недавнем интервью газете «Завтра» повторил вопиющий исторический миф о технологической отсталости России в начале XX в., чем и объяснил поражение в русско-японской войне [Русско-японская...] и последующие революционные потрясения [Айвазов, Профиль, 2010]. К сожалению, незнание истории, а еще хуже нежелание ее знать, и является источником «научного» антиисторизма. Последний, в свою очередь, позволяет выстраивать логически непротиворечивые концептуальные модели любой степени неадекватности. Революция 1917 г., начавшаяся актом лишения позиций своего императора российской «европеизированной» политической и военной верхушкой [Айрапетов] и закончившаяся приходом к власти в России «европеизированных» революционеров, а также Гражданская война привели к цивилизационной катастрофе в России. Выбраться из нее удалось ценой невероятных усилий (включая жертвы Великой Отечественной войны).

Надо понимать, что как кондратьевская *длинная волна*, так и глазьевский *технологический уклад* (фактически не новое понятие, а новое название того же явления) – характеристика капиталистической (западной) экономики, которая может быть правильно понята только при рассмотрении ее как компонента западной цивилизации в целом. Аналитикам глазьевского круга, надо полагать, застилает глаза *глобальность* современного кризиса, *объясняемая* не тождественностью понятий «современная экономика» и «капитализм», а глобализацией, как процессом тотальной вестернизации мира. Фактически локальная модель западной экономики, навязанная после падения СССР всему миру, вышеуказанными авторами берется за основу анализа современного состояния и прогноза на будущее.

Глазьев, являясь сторонником сочетания рыночных и административных механизмов управления экономикой, уповает, однако, не на эти механизмы, а на новый технологический уклад, который и должен изменить, как базис надстройку, всю совокупность общественных отношений. Поэтому Сергей Юрьевич и предполагает, что «кризис закончится после коллапса долларовой финансовой пирамиды и других финансовых “пузырей” капиталов формированием нового технологического уклада. Это произойдет (кто позволит, откуда такая уверенность? – *О.П.*) после структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада, продлится она еще 3–5 лет и будет сопровождаться изменением состава ведущих компаний, стран и управленческих практик» [Глазьев, 2009, с. 12].

Полагаем, по аналогии с кондратьевскими волнами, критикуемый нами подход можно назвать теорией «глазьевских цунами». Если руководители европейских стран, как и Айвазов с Глазьевым, не найдут других механизмов социально-экономического развития и вариантов (этосов) хозяйствования, очередная гигантская волна лишит их возможности что-либо обдумывать.

Пора закончить со спекуляциями кондратьевской теорией, пригодной только для анализа отдельных процессов в капиталистической экономике, склонной к перепроизводству товаров и услуг. Собственно ответом кризисной капиталистической экономике и была экономика социализма с ее естественными достоинствами и недостатками. Западная элита в свое время вынужденно отреагировала кейнсианством, однако затем всеобщее признание на Западе получил неолиберализм, ставший основой для выхода из ситуации кризиса в 70–80-е годы («тэтчеризм», «рейганомика»).

Мы исходим из того, что современные кризисные явления охватывают не только экономический сектор культуры, в том числе в силу того, что экономика не является единственной определяющей сферой человеческой деятельности. Именно такой тезис позволяет перейти к третьей позиции, включающей в анализ современного кризиса аксиологические детерминанты. Это несколько не противоречит необходимости и возможности научного решения локальных экономических проблем (инфляции, падения спроса и т. п.) или системному экономическому анализу. Однако главное, к чему обязывает такой подход исследователя, выявление точек соприкосновения экономических и неэкономических факторов и основных тенденций (*growing trend*), меняющих структуру экономики. В частности, открывается возможность интерпретировать понятие структурного кризиса вне рамок экономизма.

Именно таким путем идет М.Л. Хазин. Современный экономический кризис он выводит не только из экономических причин, но и из политических решений, ценностных ориентаций и психологических установок мировой экономической элиты. В статье «Базовые ценности новой финансово-экономической парадигмы» он, в частности, пишет: «Сама система получения доходов от эмиссии крупнейшими банками (неолиберализм. – *О.П.*) была настолько им симпатична, а роль их в государственной политике была настолько велика (напомним, что традиционно позиции секретаря казначейства, т.е. министра финансов, и главных советников Белого дома в США занимают как раз представители банковского сооб-

щества, не говоря уже о руководстве ФРС), что отказаться от нее не хватило сил» [Хазин, 2008, с. 50].

В своем рассуждении Хазин, безусловно, прав. Кризис, наблюдаемый нами сегодня, видится как рукотворный. Опасностью превращения частного интереса в двигатель мировой истории преступно пренебрегли. Еще древние хорошо понимали разницу между *res publica* и *res privata*. Аристотель в «Политике» точно показал, как использование механизма «общего дела» в частных интересах превращает государство в «частную лавочку» для обслуживания капризов правящей верхушки.

К нашему великому сожалению, «все христианские конфессии (точнее их лидеры. – *О.П.*) продемонстрировали свою слабость и (по большому счету) преступную толерантность (по сути, предательство своих собственных ценностей. – *О.П.*) “западному” глобальному проекту, построенному не на примате справедливости (пусть и по-разному понимаемой), а на примате наживы. В условиях экономического кризиса требование справедливости, причем не абстрактной, а эффективной справедливости, станет быстро нарастать...» [Хазин, с. 34–35].

Хазин резюмирует так: «Сегодня действующая мировая финансово-экономическая парадигма находится не просто в состоянии кризиса – она находится на грани краха, предотвратить который невозможно. А значит, необходимо разрабатывать новые парадигмы, причем начинать надо с понимания того, на каких базовых, ценностных основах их необходимо строить» [Хазин, с. 35]. К сожалению, Хазин задает больше вопросов, чем дает на них ответов. Он всего лишь указывает на ценностные детерминанты современного кризиса, но не предлагает какой-либо модели.

Необходима более развернутая альтернатива экономизму – методологическая платформа, включающая систему принципов и подходов, опирающаяся прежде всего на концепцию *человека* (антропологию), которая содержала бы базовые гуманитарные понятия: мотивация, ценности, культура, деятельность и др. В рамках эмпирических конкретно-научных и междисциплинарных исследований эти понятия могли бы рассматриваться либо как базовые теоретические концепты, либо как переменные, доступные операционализации и измерению с последующей интерпретацией на базе фундаментальных принципов. Значительную пользу в этом может принести ряд уже известных в науке теоретических достижений в области социологии и социальной и политической философии: понимающая социология М. Вебера, социокультурная теория П.А. Сорокина, мир-системный анализ И. Валлерстайна, трактовка глобализации А.С. Панарина и др.

Как известно, Вебер создал альтернативную Марксовой теорию капитализма. В основу анализа исследователем было положено понятие социального действия, а не способа производства, как у Маркса и его фактического последователя Глазьева. Социальное действие, по Веберу, имеет мотивационную основу: целерациональную, ценностно-рациональную, традиционную и аффективную. Целерациональность предполагает подстраивание системы ценностей под рациональную логику, ценностно-рациональная – наоборот. Капитализм с его особенной рациональностью (точнее расчетливостью) возникает, по Веберу, из протестантской среды. Трудно сказать, чтобы написал Вебер о современном мировом кризисе, но, возможно, он бы констатировал кризис североевропейской протестантской рациональности или ее ограниченность, которой раньше не замечал.

Ценностно-мотивационный анализ позволяет совместить подход Вебера и теорию Сорокина. Сорокин объясняет цикличность развития не прогрессом, а ценностным регрессом культуры (социума) от идеациональной зрелости к чувственному примитиву, кризис которого с необходимостью требует новой идеациональной системы.

Русский социолог еще в конце 30-х – начале 40-х годов XX в. показал нарастающий социокультурный кризис в западном мире (кризис чувственной культуры). Качествен-

ным критерием кризиса явилась девальвация таких ценностей, как истина, справедливость, добро, красота (кризис в системах истины, кризис изящных искусств, кризис системы этики и права). Все это оказывается в итоге кризисом мотивации к фактическим, а не иллюзорным достижениям. В структуре личности типичного представителя такого общества преобладают потребности низшего порядка (ради развлечения, сексуального возбуждения, удовольствия). Социокультурное окружение рассматривается как источник реализации чувственных потребностей. Общество такого типа получило сегодня широко распространенное название – *общество потребления*. Источником благ здесь является труд *эксплуатируемых классов*.

Если Сорокин позволяет увидеть ценностно-психологические механизмы социокультурных изменений и причины кризиса, то Валлерстайн со своим последовательным холизмом, стремлением анализировать любой из компонентов или элементов социальной системы только с учетом ее целостности позволяет увидеть совместимость таких контрастов современного мирового разделения труда, как развитый центр и отсталая периферия. Говоря другими словами, современный развитый (потребляющий) центр и возможен только благодаря отсталой (производящей) периферии.

Противостояние центра и периферии обнаруживается и в самой системе западного мира. Север и Юг Европы так и не смогли создать единого равноправного экономического пространства. Кризис, обнаруживший нехватку ресурсов, фактически хоронит возможность долгосрочного экономического союза «северных» и «южных» стран Европы в современном виде. Попытка «северных» стран спасти положение созданием Стабфонда, напоминающая больше тушение пожара бензином, лишь продлит агонию современной спекулятивной экономики.

В заключение хотим добавить, что именно отсутствие в концептуальном аппарате представителей экономизма пары понятий «центр–периферия» в качестве базовых приводит к теоретической невосприимчивости сути западного глобального проекта и его современного кризиса.

Таким образом, мы подготовили теоретические основания для ответа на вопросы, поставленные в названии статьи: о современном кризисе и месте Европы в нем.

Кризис европейского универсализма

Очевидно, что ценности, на которых возник и развивался капитализм, сегодня окончательно девальвированы. Если на определенном этапе европейской истории капитализм имел достаточный творческий потенциал, то сегодня этот потенциал безвозвратно утрачен. Весь западный мир, прежде всего старая Европа, в течение последних десятилетий окончательно зашел в социокультурный тупик. Экономический кризис является всего лишь вершиной огромного айсберга. Начнем с констатации и объяснения кризиса европейского универсализма. В сущности, этот аспект кризиса можно описать формулой «от универсализма к унификации».

Источником европейского универсализма явилось христианство, провозгласившее начало нового мира, где «нет ни эллина, ни иудея». Первым выдающимся историческим воплощением этого универсализма была Византия, являвшаяся собственно евро-азиатским государством. Тем не менее в течение нескольких веков она была эталоном цивилизационного развития для многих окружающих народов и культур.

То жизненное пространство, которое сегодня именуется Европой, возникло в круге Византии, но во многом вопреки ему. Можно заметить, что, когда Византия уже блистала своим превосходством перед другими народами, Запад находился на крайне низком уровне социокультурного развития. Одновременно Византия была наследницей предшествовав-

ших ей универсализмов: палестинского религиозного (ветхозаветного), греческого философского и римского политико-правового.

Мысль о том, что западная цивилизация является наследницей античного мира, – широко распространенный антивизантийский миф. Западная цивилизация выросла из католицизма, возникшего как специфическая формально-правовая антивизантийская интерпретация христианства в условиях общей деградации и коллапса античной культуры и варварского окружения.

Лишенные глубины мысли греков, оторванные от традиции египетского и сирийского монашества латинские христиане изначально попали в узкие рамки рассудочного мышления. Крупнейший из ранних западных отцов, фактический основатель латинской схоластической системы мышления Августин Аврелий на много веков вперед определил коллизии европейского гуманитарного дискурса. Основные споры были завершены только в XIII в., после признания официальной доктриной католической церкви концепции Фомы Аквинского (томизма), попытавшего в рамках отточенной за многие века системы формальной логики дать ответ на основные вопросы церковной и общественной жизни¹.

Современная католическая церковь – не такой мощный, как в прежние времена, но еще достаточно значимый общественный институт, имеющий собственные интересы (в том числе экономические). Католическая церковь олицетворяет старую Европу и, как показал еще Макс Вебер, добуржуазные ценности. Безусловно, католичество переживает собственный кризис, но он не имеет ничего общего с современным кризисом капитализма. В этом смысле католическая церковь – докризисный институт. В отличие от интеграционных механизмов современной секулярной Европы эпохи постмодернизма, демонстрирующих свою слабость, католичество выступает мощным организованным началом, носящим транснациональный характер. То, что пытается сделать западный мир сегодня, католическая церковь уже проходила и извлекла из кризиса периода Реформации целый ряд уроков. Сила современного католичества – опора на периферию (sic!) и использование позитивных социальных технологий. Результат этого – его мощное присутствие и влияние во многих странах мира, прежде всего в бывших испанских и португальских колониях.

О социальных технологиях следует сказать особо. В 1928 г. в Испании католическим религиозным деятелем Хосемарией Эскрива де Балагер была создана католическая организация «Opus Dei», получившая признание римского престола к середине XX в. и на момент смерти ее основателя (в 1975 г.) уже насчитывавшая 60 тыс. человек. Как сообщает нам официальный сайт организации, «ее миссия – распространить весть о том, что работа и повседневная жизнь являются поводом к встрече с Богом, служению людям и оздоровлению общества» [Ищите Бога...]. Организация помогает католикам наполнить свою повседневную жизнь смыслом, привлекает верующих к труду и благотворительной деятельности. Оздоровительная социальная практика «Opus Dei» несет в себе антикризисный потенциал организации и тех стран, где она действует. Можно констатировать, что католичество сегодня в той или иной степени реализует модель, которую Валлерстайн назвал универсальным универсализмом.

Первой альтернативой учения католической церкви стало лютеранство. Особое значение в контексте нашего разговора приобретает лютеровская концепция призвания (ein Beruf) на поприще трудовой деятельности. Лютеранство определило облик немецких государств, немецкую трудовую и служебную этику. Оно способствовало укреплению национальных государств на севере Европы: усилению Швеции, позже объединению и милитаризации Германии. Идеинный кризис лютеранства в XIX в. зафиксировал Ницше словами «Бог

¹ Надо учитывать и то, что описанные события происходили уже на фоне католического Возрождения, особенно заметного в Испании и Италии.

умер!»[Ницше, с. 729]. Это отчетливо проявилось в росте немецкого национализма, ставшего источником двух мировых войн и предопределившего поражение Германии. Очень точную характеристику этому явлению дал выдающийся русский военный теоретик А.А. Керсновский: «При обожествлении Государства и Нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для Государства и Нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 г. [К цивилизованному миру!] является в этом отношении характернейшим человеческим документом»[Керсновский, с. 33]. Почти двадцатью годами раньше, в 1920 г., в статье «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой называл идеологию, отраженную в манифесте, европейским космополитизмом, который, имея узкие этнографические рамки, претендует тем не менее на общечеловеческий масштаб, т. е. универсализм. В сущности же эта позиция, считает Трубецкой, может быть названа общероманогерманским шовинизмом [Трубецкой, с. 59].

В условиях кризиса либерализма лютеранство обладает достаточным позитивным потенциалом и способно дать прогрессивную программу в социальной и экономической сферах [Рормозер, с. 273]. Очень важно, что лютеране на немецкой почве способны объединиться с католиками для преодоления социальной катастрофы.

Другой вариант протестантизма был предложен Ж. Кальвином. Кальвинизм довел сотериологические идеи Блаженного Августина до логического завершения: никакие собственные усилия не могут способствовать спасению человека и помочь ему приобрести блаженство в жизни вечной, только Бог по своему желанию определяет одних людей ко спасению, других – к гибели. Критерием избранничества являются вера (дар Божий) и успех в мирских делах, прежде всего трудовой деятельности. При этом первые кальвинистские протестанты отличались чрезвычайной аскезой. Эта мирская аскеза, по мысли Вебера, и породила специфический дух капитализма (*Der Geist des Kapitalismus*). Тот же дух обеспечивал политические и военные победы протестантов, сопровождавшиеся порой особой жестокостью. Примером последней может служить военная операция О. Кромвеля в Ирландии в 1649 г. против ирландцев-католиков, после которой население острова сократилось наполовину. Самым успешным историческим проектом европейских протестантов-кальвинистов было создание Соединенных Штатов Америки.

Сегодня протестантский дух капитализма в значительной мере утерян. Внешне кризис протестантского сознания обнаруживается как переход от религиозных к *чувственным ценностям* [Сорокин]. «Буржуазный индивидуалист, – пишет А.С. Панарин, – сегодня менее всего готов к аскетическому существованию старого протестанта, отвергнувшего рафинированные блага цивилизации» Надо учитывать и то, что описанные события происходили уже на фоне католического Возрождения, особенно заметного в Испании и Италии [Панарин, 2003, с. 31]. Однако уже в новом, чувственном виде буржуазные ценности навязываются остальному миру в качестве эталона цивилизованности («европейскости»). Это культуртрегерство западного мира (панъевропейского, по Валлерстайну) представляет специфическую форму политики *европейского универсализма* (читай: глобализма) [Валлерстайн, с. 3–4].

Третьей альтернативой католическому проекту стала англиканская Реформация (Акт о супрематии, 1534). Собственно Англию можно считать родиной современной капиталистической экономики, так же как и причины современного кризиса нужно искать на берегах туманного Альбиона.

Преобразование мира на новых основах, провозглашенное еще лорд-канцлером Англии Ф. Бэконом в «Новой Атлантиде» (1614), предполагало *экономическое чудо*: истечение богатства полным потоком из «рога изобилия» (Бэкон – родоначальник коммунистической утопии?) – хозяйства, построенного на превращении науки в непосредственную

производительную силу. Без такого изобилия никто в Англии добрым быть не собирался. Младший современник Бэкона Гоббс в «Левиафане» (1668) точно описал естественное состояние английского общества – *Bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). То, что Гоббс признал для своего времени естественным, Томас Мор за сто лет до Бэкона назвал социальной болезнью. В своей «Утопии» (1516) он критиковал практику «огораживаний» (нашедших оправдание только в протестантизме) и требовал нравственного совершенствования и справедливого социального устройства. Через 19 лет после публикации книги Мор был казнен за исповедание католической веры: он отказался признать английского короля главой (понтификом) Английской церкви (Church of England). Английская корона, соединяющая в себе «и Божье, и кесарево», олицетворяет самую последовательную антикатолическую позицию во всем европейском пространстве. История Британии показывает, сколь значительную роль играла английская корона в становлении капиталистических институтов как в самой Англии, так и за ее пределами, о чем более подробно мы скажем в следующем параграфе.

Сегодня «английское доминирование» выглядит прежде всего как навязывание в форме панъевропейского универсализма «научных истин рынка» и представления «о том, что у правительств других стран нет иной альтернативы, кроме как принять эти рыночные истины и действовать согласно законам неолиберальной экономики» [Валлерстайн, с. 4].

Четвертую альтернативу католицизму представлял проект, который можно называть *гуманизмом*. Особенность идеи гуманизма в том, что она носила надконфессиональный и наднациональный характер. Европейский кризис XVI в., усиление национального фактора в политике и культуре привели к трансформации гуманизма в Просвещение. Просвещение, хотя и претендовало на универсальность, однако уже носило национальный характер: английское, французское, американское, немецкое и т. д.

Английское Просвещение породило идеологию *либерализма* и в смычке с англиканской Реформацией обслуживало создание Британской колониальной системы.

Французское Просвещение привело к антикатолической и антиабсолютистской Великой французской революции, проходившей под лозунгом «Свобода, равенство, братство!»

Немецкое Просвещение больше внимания уделяло национальному единству Германии, поддерживало диалог между лютеранами и католиками.

Идеи американского Просвещения легли в основу создания Соединенных Штатов Америки.

В целом европейское Просвещение независимо от национальной принадлежности рассматривало вопрос о европейской идентичности и единстве Европы. Просвещение сформировало представление о культурно-цивилизационном превосходстве Европы и ее ведущей роли в экономическом развитии всего мира, в значительной мере определивших мышление XVIII и XIX вв. Сегодня это представление, обслуживаемое теорией столкновения цивилизаций, переформулируется в универсалистский политический лозунг *защиты демократии и прав человека*, под прикрытием которого вмешательство во внутренние дела других стран и народов становится обычным делом [Европа].

В любом случае общеевропейская идентичность всегда проявляется, когда появляется внешняя угроза. Такой угрозой, стимулирующей европейское объединение, часто была Россия. Какой-то мистический страх перед Россией очень точно отметил Н.Я. Данилевский в «России и Европе». Историческим примером такого страха стали события Восточной (Крымской) войны, когда вся Европа объединилась против России. Только невероятными усилиями удалось избежать общеевропейской войны от Баренцева до Черного морей: Австрия, Пруссия и другие государства в любой момент могли начать боевые действия против России. Для этого собственно и была поставлена задача втянуть войска союзников в

Крым и, затянув кампанию, измотать основные силы противника. В дальнейшем Европа многократно объединялась против России и при удобном случае делает это до сих пор.

Вопрос о реальном политическом объединении Европы является более сложным и требует не столько кампаний, сколько последовательных действий. Как известно, в начале XX в. в социал-демократической среде серьезно обсуждался вопрос об объединенной Европе. Идея республиканских Соединенных Штатов Европы теснейшим образом увязывалась с революционным низвержением германской, австрийской и российской монархий [Ленин, с. 351]. Как известно, монархии пали, а лозунг оказался преждевременным.

Актуальность вопроса об объединенной Европе возникла только после поражения Германии во Второй мировой войне. Это объединение стало осуществляться первоначально в рамках европейского экономического сотрудничества. «Создание Европейского объединения угля и стали в 1951 г., Европейского экономического сообщества в 1957, расширение ЕЭС в 1973, 1981 и 1986 гг., Единый Европейский акт 1986 г. – все эти успешно реализованные проекты служили превращению Европы в единый хозяйственный организм... Однако хотя экономическое единство континента и создавало предпосылки к политической интеграции, само по себе оно не формировало ни единой государственности, ни четкой европейской самобытности» [Европа, с. 22].

Первой ступенью политической интеграции Европы стал Маастрихтский договор 1992 г. По мнению Л. Ларуша, этот договор всеми правдами и неправдами с помощью наднациональной элиты был навязан европейским государствам, прежде всего Германии и Италии [Ларуш, 2008, 18 октября]. Таким образом, сама европейская интеграция после Маастрихта превратилась в модель нового мирового порядка, позволившую мировой финансовой элите легитимировать механизмы наднационального управления.

Результаты не заставили себя долго ждать. Мировой экономический кризис обнажил прокрустово ложе Европейского союза.

29 апреля 2010 г., выступая в Берлинском университете имени братьев А. и В. Гумбольдтов, президент Чехии Вацлав Клаус заявил о том, что европейская интеграционная политика потерпела крах [Президент Чехии]. Евросоюз принес европейцам не столько свободы и благосостояния, сколько регламентированности и унификации. Экономической удавкой европейских стран стало евро, политической – Брюссель.

Единая европейская валюта лишила экономики европейских стран возможности избежать тяжелейших последствий экономического кризиса с помощью механизма девальвации национальной валюты. «Без евро Афины могли бы обесценить национальную валюту и таким образом решить проблему выхода из кризиса, – комментировал Клаус положение в Греции. – Но сейчас это невозможно, – сказал президент. – Поэтому страны зоны евро должны взять на себя ответственность. Теперь Грецию следует финансировать извне» [Президент Чехии].

При этом чешский президент высказался против идеи усиления политических полномочий Брюсселя в целях выравнивания условий жизни в странах ЕС. «Я не хочу иметь родину всех европейцев, организованную сверху», – заявил он. Более того, по словам Клауса, национальным государствам следует вернуть себе часть полномочий и прав, переданных Брюсселю, так как «гражданство не может возникать на континентальном уровне, а только в рамках государств» [Президент Чехии].

Таким образом, Европа, являвшаяся на протяжении многих веков источником различных универсалистских идей, сама стала заложницей собственной универсалистской продуктивности. Сегодняшняя европейская универсализация превратилась в тотальную унификацию, которая вредит и самой Европе.

Кризис экономики наживы

Современный кризис начался как кризис плохих долгов, которые на порядки превосходят долги времен Великой депрессии. Возникли они вследствие доминирования в течение 30 лет в структуре западной экономики спекулятивной модели получения прибыли за счет эмиссии. Создание такой модели стало возможным только в условиях, когда нажива превращается в единственную цель экономической деятельности.

Основная система ценностей средневекового мира, как мы уже показывали выше, исключала наживу в качестве главной цели и магистрального вектора социокультурного развития. Британская капиталистическая экономика создала такую систему. Сегодня она построена не просто на стяжательстве, а на откровенном грабеже товаропроизводителей и покупателей целых стран и регионов. Конечно, у такой практики была своя прелюдия.

Предыстория вопроса восходит к экономической деятельности, сложившейся в итальянских средневековых республиках, среди которых особенно выделялись Венеция, Флоренция, Генуя, Милан и др. Обогатившиеся не только честной торговлей, но и путем ростовщичества, военного разбоя периода Крестовых походов, прежде всего грабежа Константинополя в 1204 г., и другими сомнительными средствами, они возвели наживу в ранг добродетели.

Вот как на эту тему говорит Линдон Ларуш: «Процесс коллапса власти Византии в пользу мятежной Венеции приблизительно в 1000 году нашей эры создал империю, которой фактически управляла венецианская олигархия финансистов, владевшая военной властью в качестве инструмента вплоть до краха норманнской власти, произошедшего как следствие финансового кризиса XIV столетия, известного как “Новый темный век”» [Ларуш, 2008, 18 октября]. Ларуш не упоминает, видимо, неизвестную ему антивизантийскую направленность западноевропейской системы, в рамках которой венецианцы были мощной политической и экономической группировкой.

Венецианская модель, в рамках которой финансовая власть пользуется (или срачивается с) государственной властью в целях собственного обогащения, становится в дальнейшем основной формой буржуазного олигархического правления.

Перенесенная на удобренную британскую почву, эта модель в дальнейшем сформировала облик Британской империи. Важнейшими историческими этапами этого процесса стала англиканская церковная Реформация (1534) при Генрихе VIII Тюдоре; создание английской Ост-Индской компании его дочерью Елизаветой I (1600); победа в войне (1587–1604) с католиками в лице Испании; Славная революция (1688) и приход к власти Вильгельма Оранского; создание Банка Англии (1694); Акт о престолонаследии (1701), лишивший возможности вступления на престол католической ветви династии Стюартов.

Подлинным продолжением венецианских традиций было сращивание английской монархии с финансовыми воротилами. Процесс этот начался еще до Славной революции, особенно после создания английской Ост-Индской компании. Создание компании указом Елизаветы I еще не обеспечивало ей успеха, необходимо было доказать прибыльность мероприятия. Весь XVII в. компания руководствовалась лозунгом: «Дешево покупать в Индии и дорого продавать в Европе», при удобном случае ее корабли совершали пиратские нападения на торговые суда. По мере роста успеха компании ее слияние с правительственными кругами усиливалось, на первых порах в основном в виде «подарков» власть имущим.

Настоящая история британской олигархической системы начинается после прихода к власти Вильгельма III Оранского. Как писал в середине XIX в. Маркс, «союз между конституционной монархией и пользующимися монополией денежными магнатами, между Ост-Индской компанией и “славной” революцией 1688 г. был взлелеян той же самой силой, кото-

рая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральный капитал и либеральные династии, а именно силой коррупции, этой главной движущей силой конституционной монархии...» [Маркс, с. 151].

В 1693 г. в Англии разразился острый бюджетный кризис. Парламент начал расследование обстоятельств, которое показало, что взятки компании власть имущим выросли по сравнению с дореволюционным временем на два порядка. Над компанией нависла угроза, однако не было бы счастья, да несчастье помогло. Те же, кто²организовывал ограбление индийских колоний, стали у истоков первого кредитного учреждения – Банка Англии. Маркс пишет: «Влияние, которое Ост-Индская компания точно так же, как и Английский банк, приобрела посредством подкупа правительства, она была вынуждена, как и Английский банк, поддерживать все новыми и новыми подкупами. Каждый раз, когда истекал срок ее монополии, она могла возобновлять свою хартию, лишь предоставляя правительству новые займы и преподнося ему новые подарки» [Маркс, с. 152].

После Семилетней войны (1756–1763) компания превратилась в крупнейшую военно-политическую структуру. Главная причина – постоянная поддержка правительства Британии. Окончательное подчинение Короне произошло в 1784 г. (Билль У. Питта-младшего) – это было окончательное подчинение британской олигархической группировке [Маркс, с. 151].

Компания, имевшая собственные вооруженные силы, вела не только торговлю, но и постепенно захватывала индийские территории, вытесняя конкурентов и подчиняя местных правителей. Важнейшей статьей дохода компании, а значит и Британской короны, была торговля наркотиками. Компания была готова пойти на любую подлость для достижения своих целей. Например, справедливая борьба китайского правительства против нелегального распространения компанией опиума в стране вызвала негодование наркоторговцев, ответивших военной агрессией, получившей название Опиумной войны³.

Британская финансовая олигархия, представленная Ост-Индской компанией и Банком Англии, в XVII–XVIII вв. не была еще столь могущественна, как сегодня. Постоянная попытка вмешаться в ее дела периодически инициировалась парламентом. Пытаясь вмешаться в дела компании, парламент представлял интересы сначала торговой, а затем промышленной буржуазии. Конечно, причиной этого было не чувство справедливости, а скорее желание получить и свою долю от жирного пирога, добытого, как мы убедились, далеко не честным путем.

В 1858 г. компания, выполнив свою миссию, была распущена. Все ее функции перешли к Британскому правительству.

После ликвидации Ост-Индской компании главной опорой финансовой олигархии стал Банк Англии. Основой «новой» английской экономики стали деньги и ценные бумаги. С 1694 г., когда был создан Bank of England, частные финансисты начинают контролировать выпуск денег. Простая эмиссия денег и контроль за денежным обращением еще не делают деньги товаром, источником прибыли. Поэтому, получив право выпускать нужное количество денег, центральный банк запускает кредитные механизмы. Кредиты значительно расширили возможности банков, собственно они и делают деньги товаром – кредитор получает ссудный процент. Возможности «денежной» торговли возрастают, когда в оборот вводятся ценные бумаги (специальные долговые расписки – векселя и их аналоги). В начале XVIII в. Банк Англии получил ряд законодательных привилегий, в том числе на выпуск векселей, что сделало его единственным кредитным учреждением в стране. Только к концу века право выпуска векселей получили и другие банки в Англии.

² Речь идет об англо-голландских торгово-финансовых кругах, тесно связанных с Оранской (оранжевой) династией.

³ Имеется в виду первая Опиумная война 1840–1842 гг.

Замена монет купюрами после победы над Наполеоном значительно увеличила возможности финансовой олигархии управлять экономической и политической ситуацией не только в Англии, но и за ее пределами.

Богатство, приобретенное британским олигархическим режимом, позволило открыть широкое финансирование не только правительства, но и торговой и промышленной буржуазии через Банк Англии. Конечно, финансируя промышленную буржуазию, банкиры усиливали своего конкурента. Уже в 30-е годы XIX в. промышленная буржуазия в Англии получила избирательные права. Через 40 лет избирательное право получили рабочие, пополнившие ряды мелкой буржуазии (имеющие в собственности дом). Таким образом, индустриализация Англии и выход ее в передовые промышленно развитые страны является побочным явлением обогащения британской финансовой олигархии.

Современное законодательство позволяет банкам выдавать кредиты под долговые обязательства своих клиентов, важнейшим источником кредитования становятся государственные долги. Таким образом, кредитные возможности коммерческих банков значительно увеличиваются, а у центральных банков они почти неограниченные. Более того, в дальнейшем долговые обязательства сами стали не только кредитным инструментом, но и товаром, позволяющим зарабатывать на повышении и понижении его биржевого курса.

В 1913 г. в США была создана Федеральная резервная система – частная структура, выполняющая роль Центрального банка. Авторами идеи ФРС были международные банкиры. Лишенная суверенных финансов экономика Соединенные Штаты Америки была вовлечена в британскую спекулятивную модель получения прибыли. С этого момента начинается истории англо-американской финансово-экономической элиты, стоящей у истоков глобализации.

Мы не ставим задачей подробно рассматривать всю экономическую историю XX в., упомянем лишь об известных нам ключевых событиях.

Существует достаточно обоснованное мнение, что механизм Великой депрессии запустили международные банкиры. По крайней мере именно они на ней обогатились, так же как и на двух мировых войнах. Итогом экономических и военно-политических катаклизмов первой половины XX в. стало создание Бреттон-Вудской валютной системы (1944), основанной на сильном долларе. К сожалению, не можем согласиться с Ларушем в вопросе об оценке этой системы. Ее коварство состояло в том, что, пока был сильный, обеспеченный золотом доллар, проблемы могли не возникать, но когда золотое содержание доллара стало падать, начались проблемы, приведшие к государственному дефолту США и отказу от золотого стандарта. Мы полагаем, что ситуация с дефолтом не была случайной, а программировалась финансовой олигархией заранее. Это позволило международным банкирам окончательно перенести британскую спекулятивную модель на всю мировую капиталистическую финансовую систему.

Окончательную точку, превратившую деньги и обязательства в товар, стало создание Ямайской валютной системы (1978), отвязавшей денежную массу от золота и превратившую последнее в обыкновенный товар, а не меру стоимости. С тех пор ценные бумаги и деньги стали самым прибыльным товаром, окончательно изменив представление о рентабельности экономической деятельности. Теперь рентабельность измерялась по критериям *капитализации* и *ликвидности*, ставшими фактически инструментами экономического передела мира. Организаторы «нового великого передела» зарабатывают на спекуляциях ценными бумагами, скупают ценные активы, разоряют конкурентов и пр. Главное, что они как создатели системы всегда оказываются в выигрыше.

В сложившейся ситуации рентабельность реального производства неуклонно падает. Производящим компаниям, прежде всего европейским, приходится идти на различные ухищрения: широко использовать офшорные зоны, переводить производство в страны с низ-

кой налоговой нагрузкой, платить огромные взятки чиновникам и рейтинговым агентствам, привлекать дешевую рабочую силу иммигрантов из слаборазвитых стран.

Последнее обстоятельство сыграло с Европой злую шутку: дешевая рабочая сила вылилась в дорогую социальную проблему, требующую политических решений. На фоне собственного демографического кризиса Европа переживает огромный приток иммигрантов, прежде всего из азиатских стран, приезжающих на заработки, но не теряющих собственной культурной идентичности и даже враждебно относящихся к европейской культуре. В Германии, самой промышленно развитой стране ЕС, существуют поселения иммигрантов, в которых уже небезопасно появляться европейцу.

«В последние годы одновременно и довольно резко правееет общественное мнение в Западной Европе, укрепляются позиции правых в Германии, Бельгии, Франции, Дании и других государствах. Коренное население начинает осознавать опасность, которую породил многолетний бесконтрольный импорт рабочих рук из стран Третьего мира, из государств иной культуры, языка и религии, и пытается исправить допущенные ошибки. Однако, возможно, поезд уже ушел. Или неудержимо уходит. Ведь огромное число иммигрантов за последние два-три десятилетия стали полноправными гражданами европейских государств, имеющих все положенные по закону права. Они живут, работают, рожают детей, но при этом учат их так, как им нравится, и на языках, не слыханных ранее на европейских просторах» [Добровольский, с. 2]. Ситуация усугубляется тем, что кризис значительно сужает возможности для маневра в производственном секторе экономики. Чтобы снизить издержки, они будут вынуждены либо снижать заработную плату, либо увольнять сотрудников. Все это чревато социальным взрывом, а также в новой демографической ситуации межэтническими конфликтами.

Спекулятивная экономика создала еще один феномен – невиданный уровень потребления так называемого среднего класса. Это обеспечивалось доступностью относительно дешевого кредита и большими социальными гарантиями, на которые в свое время пошел западный мир в условиях соперничества с социалистической системой. США потребляют, по разным оценкам, от 25 до 40 % производимых ежегодно в мире товаров и услуг, а производят тех же товаров и услуг не более 15–20 %. В Европе такой видимый разрыв отсутствует: производится около 24 %, потребляется чуть больше 25 %. Однако надо помнить, что Европа, как экономически развитый регион, импортирует в основном сырье, а экспортирует высокотехнологичные продукты. Цены на такие продукты обычно значительно выше, а на информационные продукты и технологии цены просто завышены. Таким образом, проблема существенного разрыва между потреблением и производством существует для всего западного мира.

Сегодня возможности кредитовать как потребителей, так и производителей у финансового сектора больше нет. Это приводит не только к тому, что резко падает спрос, а за ним и производство, но и становится невозможным вернуть уже существующие долги. Причем эти, как мы их называем, «плохие» долги представляют собой многоуровневую пирамиду взаимопроникающих обязательств. Если первая волна кризиса обнажила долги домохозяйств и корпораций, то вторая волна с необходимостью будет кризисом государственных долгов.

Примером может служить современная Греция, которая оказалась не в состоянии справиться с нарастающим дефицитом бюджета. Не имея возможности девальвировать валюту, греческое правительство, по рекомендациям Европейского центробанка, собирается пойти на меры жесточайшей экономии. Оно предполагает отменить премии для служащих госсектора, отменить ежегодные отпускные выплаты для высокооплачиваемых категорий и ограничить для прочих, полностью отказаться от увеличения зарплат и пенсий в госсекторе по меньшей мере на три года, увеличить НДС с 21 до 23 %, повысить акцизы на топливо, алко-

голь и табак на 10 %, увеличить налоговое бремя для незаконного строительства. Эти меры вполне логичны в рамках модели Евросоюза, который для поддержания стабильности евро пытается создать Стабилизационный фонд, основную часть которого будут составлять государственные обязательства по долгам. Нехватку средств вновь пытаются компенсировать эмиссией ценных бумаг. Воистину, если бухгалтеры управляют миром, дети останутся без молока.

Оглашение правительственных мер вызвало бурный протест в Греции. В мае 2010 г. в стране прошла всеобщая забастовка, парализовавшая жизнь страны и приведшая к беспорядкам в столице. В июне протестные настроения остаются высокими. Правда, средства массовой информации не уделяют этому, как мы полагаем намеренно, сколько-нибудь значительного внимания. Видимо, по мере нарастания второй кризисной волны ситуация в Греции и других европейских странах будет обостряться.

При анализе современного кризиса необходимо учитывать и другое важное обстоятельство: существующее разделение труда. «Количество технологически независимых государств в мире последние два века все время сокращалось. В Европе еще в середине XIX в. речь шла о десятке реально независимых (т.е. имеющих возможность самостоятельно развивать полный спектр технологического, а том числе и военного производства) государств, к началу XX в. их осталось от силы пять (Российская империя, Германская, Австро-Венгрия, Франция и Великобритания), в середине XX века уже не только в Европе, но во всем мире было только два реально независимых государства – СССР и США» [Хазин, 2008, с. 34–35].

На сегодняшний день реально экономически независимым государством является Китай, способный не только самостоятельно производить, но и потреблять произведенную продукцию. По итогам 2009 г. Китай обогнал Германию по объему экспорта. И в целом его экономические показатели, несмотря на кризис, выше, чем у промышленного лидера Европы [Швец].

Само по себе разделение труда, специализация на производстве определенных товаров и услуг – явление позитивное, однако разделение труда в рамках спекулятивной экономики носит патологический отпечаток: например, развитый центр и отсталая периферия (Валлерстайн). «Зловещая тенденция, связанная с уходом мирового капитала из производящей в спекулятивно-ростовщическую и экспроприаторскую экономику “валютных игр”, неминуемо ведет к расширению планетарной бедности» [Панарин, 2002, с. 162].

Именно желанием закрепить такое неравенство в рамках мировой экономики объясняется концепция постиндустриального общества. Постиндустриальная экономика была объявлена чуть ли не высшей фазой развития цивилизации, которого с необходимостью достигают только продвинутые в экономическом отношении страны. На самом деле происходит то, что А.С. Панарин назвал «повальным промышленным дезертирством рабочей силы» [Панарин, 2002, с. 100–101].

В целом можно говорить о дезертирстве от ответственности, от тяжелого производящего труда, от творчества, от самой человечности. Это и есть подлинное Марксово отчуждение человека от самого себя. «Нынешний “либеральный” тип питает равное отвращение и к природе, в которой он усматривает источник темных мистических пережитков и теогоний, и к общественной “коллективистской” кооперации, в которой он видит посягательство на свои индивидуалистические прерогативы. Поэтому он сегодня так активно пополняет среду “информационной экономики” особого типа – связанной не с производством, а с манипуляцией денежными знаками...» [Панарин, 2002, с. 106–107]. Поэтому современной европейской «цивилизации грозит вырождение и даже гибель в результате иссякания социокультурной базы производящей экономики, лишенной притока по-настоящему живых людей...» [Панарин, 2002, с. 106–107].

Резюме

Итак, современный кризис поставил под сомнение саму возможность дальнейшего существования европейской цивилизации. Европа сыграла в создании этого кризиса одну из ведущих ролей. Соблазн наживы и легкой жизни оказался сильнее не только нравственного чувства, но даже здравого смысла. В свое время развал Советского Союза отсрочил гибель спекулятивного капитализма, значительно расширив возможности для трансляции плохих долгов на территорию бывшего социалистического лагеря. Однако сегодня кризис остановить уже нельзя.

Если считать, что проблемы в экономиках стран Евросоюза связаны со специфической экономической политикой и закономерностями спекулятивной экономики, то понятно, что решить проблемы, пользуясь старыми схемами, не получится.

Для их преодоления необходимо возвратиться к традиционным ценностям нравственного долга и производящего труда. У Европы такие модели существуют: католичество в союзе с лютеранством способно вывести стагнирующее общество из тупика.

Однако реальность такова, что, поскольку изменение экономической политики предполагает отказ от старой системы управления и контроля, постольку выхода из кризиса нормальным образом не будет. Экономическая ситуация в Европе, как и во всем мире, такова, что реальные рычаги управления находятся у «бухгалтеров-спекулянтов», а они вряд ли захотят отказаться от своих нынешних привилегий и возможностей.

Итог для Европы может быть самым неожиданным. Однако основные процессы, как нам представляется, будут происходить между Сицилией реинтеграции и Харибдой политической диктатуры Брюсселя. Какая из тенденций победит, покажет историческое развитие Европы.

Литература

Айвазов А. «Глубокий нокаут» // Завтра. – 2010. – 1 июня № 22. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/863/index.html>

Айвазов А. Либеральные сказки и кондратьевские волны // Профиль. – 2010. – № 22. – С. 38–34. – Режим доступа: <http://www.profile.ru/items/?item=27306>

Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию, (1907–1917). – М., 2003. – 253 с.

Валлерстайн И. Европейский универсализм: Риторика власти // Прогнозис. – 2008. – № 2(14). – С. 3–4. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/Prognosis_2_2008/1.pdf

Глазьев С.Ю. Геноцид. – М.: Терра, 1998. – 320 с. – Режим доступа: http://www.patriotica.ru/books/glazev_gen/topic3.html

Глазьев С.Ю. Кризис будет углубляться // Русский дом. – 2009. – № 3. – С. 12–13. – Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/1375>

Добровольский А. Почему триумф правых в Голландии был предопределен // km.ru – 13 июня 2010. – С. 2. – Режим доступа: http://news.km.ru/pochemu_triumf_pravux_v_gollandii

Европа: Проблемы интеграции и развития: Монография: В 2-х т. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУЮ: Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008.– Т. 1. История объединения Европы и теория европейской интеграции. Ч. 1 / Коллектив авторов под общей редакцией академика О.А. Колобова. – 351 с. – Режим доступа: http://www.unn.ru/rus/fmo/Archive/books/monografii/Evropa_problemi_integracii_i_razvitiy/tom_1.2.pdf

Ищите Бога в повседневной жизни // Opus Dei. – Режим доступа: <http://www.opusdei.ru/>

К цивилизованному миру! / Манифест от 4 октября 1914 г. – Режим доступа: <http://www.budyon.org/articles193/htm>

Керсновский А. А. Философия войны. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. – 208 с.

Ларуш Л. Мировая валютно-финансовая система вошла в катастрофическую фазу своего развала // «Полярная звезда»: Интернет-журнал – 1 октября 2008. – Режим доступа: <http://www.zvezda.ru/geo/2008/10/01/larouche.htm>

Ларуш Л. Новое средневековье уже рядом: Брутальный «британский» империализм в наши дни // Executive Intelligence Review: Интернет-журнал. – Русская страница. – 18 октября 2008. – Режим доступа: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a9032_brutish_2.html#fn1

Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 26. – С. 351–357. – Режим доступа: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 9. – С. 151–160. – Режим доступа: <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/09/25.htm>

Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре». – Переоценка всего ценного. Веселая наука / Пер. с нем. – Минск: Харвест, 2003. – 729 с. – Режим доступа: http://www.nietzsche.ru/books/book8_6.shtml.htm

Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: Проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – М., 2003. – № 3. – С. 16–36. – Режим доступа: <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin53.htm>

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 494 с. – Режим доступа: <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin59.htm>

Президент Чехии: Европейская интеграция потерпела крах // Взгляд. – Деловая газета. – 29 апреля 2010 г. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2010/4/29/397843.html>

Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>

Русско-японская война, 1904–1905. Взгляд через столетие: Международный исторический сборник / Под редакцией О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – 656 с.

Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. – М., 1992. – 543 с.

Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 59.

Швец Д. Кризис помог Китаю выбиться в лидеры по экспорту // Российская газета. – 11 января 2010 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/01/11/kitay-site-anons.html>

Хазин М.Л. Базовые ценности новой финансово-экономической парадигмы // Вопросы новой экономики. – 2008. – № 2. – С. 34–35. – Режим доступа: <http://nfuka.vsei.ru/download/n02-08.pdf>

Хазин М.Л. Теория кризиса: Доклад, прочитанный на конференции в г. Модена (Италия) 9 июля 2008 г. // Профиль. – 2008. – № 33. – С. 46–53. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/473153>

Цикличность развития мировой экономики: Влияние мирового экономического кризиса на страны Евросоюза

Ю.В. Бабанова

***Аннотация.** В статье представлены особенности циклического развития общества, истоки и теоретические подходы к изучению данного явления. Раскрыта сущность и особенности проявления мирового экономического кризиса как фазы экономического цикла в странах Европейского союза. Рассмотрены и проанализированы основные меры антикризисной политики в данных странах и результаты их реализации.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.